

Мила Иванцова

Живые

книги

Каждый из нас — непрочитанная книга

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Мила Иванцова

Живые книги

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6986204

Живые книги: роман: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2013

ISBN 978-966-14-5855-9

Аннотация

Когда руководство книжного магазина-кофейни решило провести акцию «Живые книги», никто не ожидал, что столько желающих примут в ней участие. Во время акции каждый человек мог стать Книгой, рассказывая свои истории, или послушать чужие и таким образом стать Читателем. Амалия, Виктор и Женя – главные Читатели. У каждого из них есть свои причины для участия в акции. Кто-то ищет смысл жизни, кто-то – вдохновение, а кто-то – любовь. Но что, если для того, чтобы найти утраченное, надо всего лишь оглянуться вокруг? Ведь вполне возможно, что именно сейчас твоя судьба сидит напротив тебя и рассказывает о своей жизни...

Содержание

Вальс майской грозы	4
Живые книги	6
1	6
2	8
3	14
4	16
5	18
6	22
7	24
8	26
9	34
10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мила Иванцова
Живые книги
Роман

Вальс майской грозы

Случалось ли вам читать другого человека, как книгу? Вслушиваясь в тембр голоса, отмечая изюминки речи, ловя сленговые или, наоборот, книжные слова и обороты, присматриваясь к движениям и жестам, пытаюсь понять, что же за ними таится, что там на самом деле – по ту сторону видимого, в глубине души... Вслушивались ли вы в другого, как в себя самого? Ловили ли в историях, рассказанных другими людьми, золотых рыбок своих грез и акул собственных переживаний? Если ничего подобного с вами до сих пор не случилось – познакомьтесь с миром Живых книг, открытым Милой Иванцовой.

Впрочем – никакого фэнтези, все совершенно реалистично, но и не без мистики. Мила Иванцова в новом романе остается верна себе, своим героям и, конечно же, читателям: она наблюдает за типичными героями в нетипичной ситуации. В одной из киевских литературных кофейен проводится необычная акция: «Живые книги». Суть ее заключается в том, что посетителям предлагают рассказать любую свою историю, записавшись в качестве Книги, или выслушать чей-то рассказ, превратившись в Читателя. Незрячий военный служащий в отставке, загадочная писательница и юная девушка – администратор салона красоты – у каждого из них свои причины назваться Читателями. Кто-то хотел отвлечься, кому-то требо-

вался творческий импульс, кому-то – чужой жизненный опыт, но нашли они... Так случается всегда: читатель находит в книге гораздо больше, чем ищет или ожидает.

Сами того не замечая, мы начали жить в мире, где все открыто задолго до нас и успех зависит преимущественно от способности пошире открывать рот и получше пережевывать то, что туда положат. В «Живых книгах» Мила Иванцова предлагает совсем иной способ существования, без готовых рецептов. И вовсе не случайно, что у ее героев нет телевизоров: искреннее, «не-телевизионное» общение с живым человеком, «прочтение» его всеми органами чувств несовместимы с поглощением «пищи», пропущенной через мясорубки мышления журналистов, редакторов, режиссеров и продюсеров. Герои Милы Иванцовой даже телефоном пользуются редко, зато много говорят друг с другом. Потребность говорить и слушать, слышать и быть услышанным свойственна всем людям без исключения, а уж одиноким, внутренне надломленным, тем, кто запутался в бесчисленных жизненных тропах, – и подавно.

«Интересных историй на свете гораздо больше, чем уже написанных книг...» С этим, как и со сменой времен года, не поспоришь. И как весна вслед за зимой, на смену краху надежд и разочарованию в умытую дождями душу возвращаются вдохновение и покой. А чтобы выстоять, чтобы дожидаться весны и снова, как в беззаботном детстве, закружиться в вальсе майской грозы, можно воспользоваться проверенным средством – читать. Написанные другими книги, собственную душу или душу ближнего, которому точно так же необходим Читатель, как вам – слушатель.

Если это то, что вам нужно, – милости просим в мир «Живых книг» Милы Иванцовой.

Ольга Хвостова

ЖИВЫЕ КНИГИ

*Habent sua fata libelli*¹.

1

Если бы в тот майский день тучи над Киевом не боролись с солнцем, а гром, обещающий ливень, не гремел бы то над одним районом города, то над другим, скорее всего, элегантная особа среднего возраста прошла бы мимо той кофейни на Подоле. Но в природе что-то происходило, от этого у женщины сжимало виски, отдавая болью то в темя, то в затылок, и спасти ее могла только порция крепкого кофе, а то и не одна.

Итак, стройная дама в темных очках, в длинной белой юбке и яркой батистовой блузке, подпоясанной тонким белым ремешком, огляделась вокруг и потерла виски обеими руками. Дородная домохозяйка, тащившая мимо нее с Житнего рынка сумки с продуктами, с удивлением заметила на незнакомке белые кружевные перчатки и выразительно хмыкнула. Но та не обратила на это внимания – ее радар был настроен на кофе, и через минуту дама уже открыла дверь под вывеской «Книжное кафе».

Внутренний мир помещения оказался гораздо большим, чем можно было представить извне, учитывая плотное расположение входных дверей соседних заведений вдоль улицы. Несколько отдельных площадок со столиками на трех уровнях кафе были соединены довольно крутой деревянной лестницей, что позволяло посетителю выбрать место по душе. Стены были украшены полками со старинными кофемолками, медными и латунными кофейниками, турочками, бывшими когда-то давно в употреблении. Посетительница поднялась на верхний, третий, ярус-балкон, где в тот момент никого не было. Здесь она заметила на стенах еще и полки с книгами.

Когда после первой чашки кофе в глазах у женщины прояснилось, а боль отпустила голову, она заказала еще одну порцию «медикамента» и пирожное «Наполеон». Чтобы скоротать время, протянула руку к полке, вытащила наугад книгу и открыла ее. Глаза выхватили абзац текста, в котором неизвестная дама-автор размышляла о жизни и о нелегкой женской судьбе. Читательница вздохнула, закрыла толстый томик, поставила его на место и погрузилась в свои мысли – ничто этому не мешало. Взгляд ее блуждал по небольшому столику, на котором соседствовали кружевные перчатки, сахарница и модные недешевые очки с темными стеклами.

Когда официантка принесла заказ, посетительница вздрогнула, тряхнула головой, словно отгоняя мысли, и увидела на груди девушки бейджик с надписью «книжница Аня».

Через полчаса, уже спускаясь по лестнице, женщина заметила книжные полки и в двух других залах, а на груди еще одной официантки разглядела бейджик «книжница Вера». Это казалось странным – она впервые видела такое сочетание кофе с книгой и официантки с библиотекарем или продавщицей книжного магазина. Поблагодарив и попрощавшись, женщина скрыла глаза за темными очками и уже собиралась выйти на улицу, как одна из девушек протянула ей рекламную листовку и улыбнулась:

– Вы еще не слышали о нашей акции «Живые книги»? Вот, ознакомьтесь, пожалуйста! Приглашаем принять участие, люди понемногу отзываются, надеемся, будет интересно,

¹ Книги имеют свою судьбу (лат.). – Здесь и далее примечания автора.

составляем картотеку. – И она показала рукой на небольшой деревянный ящик с несколькими почтовыми открытками, стоявшими в нем вертикально.

– Спасибо, – уголками губ улыбнулась посетительница, взяла рекламу и вышла в жаркий майский город со слишком нестабильной синоптической перспективой.

День прошел, как прошел. Как все ее дни в последнее время – подобно другим бессмысленным дням. Вечером она то бродила из угла в угол по неуютной квартире, то выходила на балкон подышать воздухом, насыщенным запахом вымытых грозой молодых листьев и терпким ароматом липких тополиных почек. Вдруг в сумочке запыкал эсэмэской мобильный. Она вздрогнула и быстро пошла в коридор. Сообщение оказалось анонсом очередной акции от оператора связи, телефон вернулся на место, а реклама из кафе наконец привлекла внимание женщины, которой, казалось, больше нечем было себя занять.

«Книжное кафе в течение мая и июня проводит акцию „ЖИВЫЕ КНИГИ“, во время которой посетители смогут примерить на себя роль Читателя или Книги.

Читатель выбирает в каталоге Книгу и сообщает желаемые день и час встречи. Кофейня все согласовывает и приглашает Книгу на сеанс Чтения, который, по условиям акции, длится один час. В течение этого времени Книга будет рассказывать Читателю истории из своей жизни.

Кофейня угощает Книгу кофе на выбор, а Читатель, в благодарность за уделенное время и откровенность, оплачивает десерт.

За более подробной информацией просим обращаться к книжницам или по телефонам кафе.

Желаем приятного Чтения и общения! Ведь мы не сомневаемся, что интересных историй в мире гораздо больше, чем уже написанных книг!»

2

– Да, конечно, запишите номер моего мобильного, я буду ждать вашего звонка, – сказал официантке за барной стойкой высокий мужчина в темных очках, продиктовал номер и назвал свое имя: – Виктор.

Он поблагодарил, сделал неуловимый жест, и короткая металлическая трубка в его руке вдруг стала тростью и приобрела необходимую длину, чтобы незрячий человек мог простукать ею дорогу перед собой и определять маршрут.

Эту неожиданную метаморфозу предмета заметила та самая дама в кружевных перчатках, как раз входившая в кафе. Они разминулись у входной двери. Посетительница отступила в сторону, пропуская его на улицу, однако незрячий мужчина успел почувствовать несколько пьянящий аромат ее духов – неожиданный для утреннего посещения дамой кафе.

– Доброе утро! Вы опять к нам? – засияла книжница Аня. – Проходите за столик, сейчас я принесу меню.

– Здравствуйте, – сдержанно улыбнулась женщина и не тронулась с места, – собственно, я хотела спросить о вашей акции...

– А! Вас заинтересовало? – оживилась официантка. – И кем бы вы хотели быть – Читателем или Книгой?

– Я?... – Женщина сделала паузу, а затем выдала решительно, будто нырнула в воду: – Собственно, я – писательница. Довольно известная, хоть и печатаюсь под псевдонимом, но у меня сейчас некий творческий ступор... И я подумала... Может, именно эти ваши Живые книги расскажут мне что-то интересное? Так сказать, станут именно тем зерном, из которого...

– Ух ты! – одновременно выпалили обе официантки, находившиеся рядом.

– Надо же! Живая писательница! Класс! – восторженно произнесла книжница Аня. – А мы еще вчера вас заметили! Нет, люди искусства все же действительно отличаются от других!

– Да не то чтобы... – пожала плечами посетительница и снова оглянулась вокруг.

– Ой, не говорите! – замахала руками Аня. – Вон, видели, только что вышел мужчина? Он хоть и очень любит читать, но был военным и потерял зрение, ну, почти потерял, едва видит очертания фигур и свет. Так он очень обрадовался, узнав о нашей акции! А что? Будет ходить к нам, «читать»... Вот уже выбрал себе Книгу, будем с ней договариваться. Так о чем это я? А! Вот по нему видно, что он обычный! А на вас глянешь, и понятно, что вы человек искусства!

– Спасибо, – улыбнулась женщина такой бурной и непосредственной реакции.

– Так надо же записать ваши данные и ознакомить вас с каталогом Книг, хоть он еще и небольшой. Как ваше имя?

Женщина помолчала, а затем медленно произнесла, будто пропела:

– Амалия.

– Вот! Я же говорила, Вера! – оглянулась на коллегу Аня. – Даже имя необычное! Вот, заполните, пожалуйста, эту карточку. А кофе сегодня пьете?

– Да-да. – Потенциальная Читательница взяла анкету и снова отправилась на верхний ярус кафе.

В этот день она пила кофе не «медикаментозно», а просто так, для удовольствия. Кроме того, хотела потратить на этот процесс какое-то время суток, часть долгого майского дня, который снова нужно было чем-то наполнять.

Амалия то прислушивалась к тому, как шептались в нижнем ярусе официантки-книжницы, обсуждая между собой встречу с настоящей писательницей, то разглядывала свои

перчатки, которые опять лежали на столике, то бродила глазами по стенам, будто вживаясь в уютный интерьер кафе, останавливала взгляд на коллекции кофейников, потом на картинках с видами Львова, на книжных полках, иногда улыбалась... Но если бы кто-то внимательный незаметно наблюдал за этой особой, то вряд ли счел бы ее улыбку веселой. Скорее это была несколько мечтательная, растерянная, неуверенная улыбка на ухоженном лице красивой, но уставшей женщины, скрывающей свою проблему.

Вскоре она увидела, как книжница Вера поднялась по лестнице на второй ярус подать меню новым клиентам – немолодой паре иностранцев, спрятавшихся в прохладе этого старинного толстостенного дома от майской жары. С балкона своего третьего яруса Амалия услышала, что девушка говорит с ними на довольно плохом английском, но и посетители отвечали не лучше, хотя весьма дружелюбно. Женщина снова погрузилась в свои воспоминания, которые на этот раз замелькали в воображении слайдами прежних заграничных поездок.

Она вздрогнула от внезапного покашливания и увидела рядом Веру, которая протягивала ей несколько открыток – рукописный каталог Книг, то есть людей, согласившихся приходить и рассказывать свои истории.

Через минуту она уже пересматривала краткую информацию о каждом.

Студент Политехнического университета, родом из Карпат, был не прочь за кофе с пирожным рассказывать о различных обычаях своего края и происшествиях в горах, случившихся с ним, с его знакомыми или с туристами-горожанами.

Женщина подумала, что для вечно голодных иногородних студентов акция кафе – неплохой способ заработать кофе с пирожным, хотя это и не решает проблемы питания. Она сдержанно улыбнулась и принялась за следующую открытку.

Пенсионерка, учительница с многолетним стажем, готова была поделиться целым «сериалом» из школьной жизни. Причем Читателю предлагались на выбор версии «об учениках», «об истории неординарной киевской школы», «об учительской судьбе» и так далее.

Амалия сначала удивилась, читая эту несколько наивную на ее взгляд саморекламу, но потом вздохнула из сострадания к пенсионерке, которой, видимо, общение требуется больше, чем угощение, ведь всю жизнь она была окружена людьми... Но почему-то это предложение также не пробудило интерес потенциальной Читательницы.

Вдруг внимание ее вновь привлекли голоса со среднего яруса кафе – иностранные туристы говорили между собой на французском. Амалия напряглась и подалась к деревянным перилам, у которых стоял ее столик. Она бросила заинтересованный взгляд вниз на пожилую пару, улавливая отрывки их разговора. Из услышанного поняла, что мужчина собирался пойти на какую-то встречу, а жена не очень хотела его сопровождать и предлагала подождать супруга в этой уютной кофейне.

– Et qu'est-ce que tu feras ici pendant toute cette heure?²

– Mais je regarderai ces petites choses sur les rayons et je feuilleterai les livres. – Женщина оглянулась вокруг и указала мужу на полки со старинными турками, кофемолками и на книги, выстроившиеся отдельно на небольших полочках, – et tu reviens me prendre ici à midi, d'accord?³

– Bon, d'accord, si cela ne te gêne pas. Et ensuite on ira déjeuner au restaurant de l'hôtel! Hier j'ai bien aimé leur borchtch!⁴

² А что же ты будешь здесь делать целый час? (фр.)

³ Я буду разглядывать все эти штучки на полках, полистаю книги, а ты вернешься сюда в обед, ладно? (фр.)

⁴ Хорошо, если тебя это устраивает. А потом пойдем обедать в ресторан отеля! Вчера мне очень понравился их борщ! (фр.)

«Вот она – Книга, которую бы хотелось почитать! – подумала вдруг Амалия и почувствовала неожиданное волнение. – Но как? Как подойти к незнакомой женщине и „считать“ с нее какую-то историю? И захочет ли она вообще со мной говорить? Зачем ей это? Хотя... Встретить в чужой стране человека, который говорит на твоём языке, всегда приятно, это упрощает контакт...»

Француз спустился на первый уровень кафе, а через мгновение звякнул колокольчик на двери, обозначив таким образом его выход в город.

Выдержав паузу в несколько минут, Амалия поднялась, собрала в стопку еще не дочитанные карточки каталога Книг и двинулась к деревянной лестнице.

– Bonjour, madame! Je m'appelle Amalia et je vous ai entendu parler français⁵. – Она приветливо улыбнулась, и пожилая иностранка мгновенно отразила ее улыбку.

– Oh, madame! C'est un grand plaisir de trouver à l'étranger quelqu'un avec qui on peut parler sans barrières!⁶

Не прошло и десяти минут, как женщины разного возраста, разных национальностей и вообще – две очень разные женщины беседовали на разные темы. Француженку звали Кристин. Ей было, очевидно, слегка за шестьдесят. Но худощавая, высокая, спортивного телосложения, в джинсах и в льняной рубашке мужского кроя, совсем без макияжа, она выглядела женщиной без возраста. Собственно, возраст Амалии тоже непросто было определить, хотя она и была одета очень женственно и не гнушалась элегантным, не кричащим макияжем.

Разговор закружился вокруг Киева, его изюминок, интересных для туристов, потом перешел на Францию, Париж, о котором обеим было что вспомнить. Вскоре к ним подошла книжница Вера, немало удивленная тем, как ловко писательница говорит по-французски и как при этом с ее лица словно слетела пелена грусти и растерянности, которую девушки заметили и вчера, и сегодня утром.

«Вот так тарыхтит! – подумала Вера. – Наверное, поймала себе хороший сюжет в новый роман! Эх... Вот так жизнь! Не то что...»

Девушка улыбнулась обеим посетительницам и обратилась к Амалии:

– О, Амалия, вы так легко говорите на французском! Я в восторге! Что-то еще закажете? Ой... А может, эта дама согласится принять участие в нашей акции?

Кристин с приветливой улыбкой смотрела на девушку, ничего не понимая, и поглядывала на реакцию новой знакомой. Амалия на мгновение заколебалась, но потом взяла в руку открытки из каталога книг, сложила их веером и помахала над столиком.

– Знаете, Кристин, эта милая девушка хочет спросить вас, не решитесь ли вы принять участие в акции, которую проводит эта кофейня.

От краткой информации о временном распределении посетителей на Книги и Читателей глаза француженки стали сначала круглыми от внимания и удивления, а потом превратились в две щелочки с лучиками добрых морщинок.

– Но мы же здесь всего на несколько дней, – сказала она, будто извинялась, – хотя... я на своем веку прожила немало историй и, конечно, могу ими поделиться, было бы только кому слушать! Знаете, чем дольше человек живет, тем больше у него накапливается в доме вещей, а в душе – воспоминаний. И время от времени перебираешь их, что-то отдаешь, что-то выбрасываешь, а с чем-то не хочется расставаться никогда. И ты трепетно держишь в руках самое дорогое, рассматриваешь его, вспоминая себя и других в рамке давно прошедших лет... А потом не выставляешь это на виду, а снова прячешь куда-то – то ли на полку

⁵ Добрый день, мадам. Мое имя – Амалия. Я услышала, что вы говорите по-французски (*фр.*).

⁶ О, мадам, это такая радость – встретить за границей человека, с которым можно говорить без барьеров! (*фр.*)

книжного шкафа в виде фотоальбома, то ли в ящик письменного стола, как шкатулку со старыми украшениями или пожелтевшими письмами.

Вера все не отходила и зачарованно слушала чужую непонятную речь. Амалия перевела. Девушка слегка наклонила голову на бок, а одна бровь ее смешно поползла вверх, как бы говоря: «Так вы принимаете условия нашей игры?»

Кристин посмотрела на часы. Амалия бросила взгляд на свои, а Вера на старинные настенные, которые качали маятником неподалеку на стене. Они показывали четверть двенадцатого.

– Я думаю, что успею рассказать вам хоть что-нибудь о моей бабушке. – Она снова улыбнулась, и легкая грусть отразилась на ее лице. – К сожалению, при таком ритме жизни ни детям, ни внукам нет дела до далеких предков. Их не очень интересуют сентиментальные истории о былом. Пусть это будет моим небольшим вкладом в вашу виртуальную библиотеку!

– А госпожа Амалия – писательница! – не удержалась Вера, указав рукой на Читательницу.

– Qu'est-ce que c'est «pisatelnitsia»?⁷ – не поняла туристка.

Амалия погрозила пальцем Вере и сдержанно объяснила, что она действительно писательница и согласилась на эту игру, надеясь пополнить свой архив интересных историй, которые, возможно, когда-то пригодятся при написании книг.

Глаза француженки снова округлились, а брови поползли вверх.

– О! Какая неожиданная удача! Живая писательница! Тогда я просто обязана рассказать вам что-то интересное! Ведь я и сама так люблю читать! – Она указала рукой на книжные полки. – Но кофе я уже пила, и пирожное только что съела. Принесите-ка нам, пожалуйста, соку, вы же не против сока, Амалия?

Моя бабушка... Это так неожиданно и так странно... Но, видимо, именно здесь и сейчас пришла пора рассказать кому-то о ней – озвучить мои мысли. С возрастом люди становятся сентиментальнее, на их «внутреннем рынке» растет цена не на нефть или алмазы, а именно на такие воспоминания. И я питаю особый сентимент к моей бабушке, часто вспоминаю о ней, хотя она была обычным человеком, «рядовой французской женициной первой половины двадцатого века», как написали бы журналисты.

Однако она не была французской женициной! Она была бретонкой! Вы понимаете разницу? – Кристин заглянула в глаза собеседницы, та кивнула, но промолчала.

Бретонцы, жители северо-западного полуострова Франции Бретань, – это, по сути, кельты, которые в древности переселялись из Британских островов под давлением англосаксов. И бретонский язык местного населения, конечно, тоже кельтской группы. Но современное молодое поколение уже почти не понимает язык своих пра-пра... Кругом царит государственный, но в южной части полуострова еще кое-где хранят традиции и говорят на обоих языках. Когда-то Бретань была отдельным королевством, которое до XVI века сопротивлялось французским централизаторам. Но потом... потом все бретонское истреблялось и илифовалось величественной Францией.

Собственно, я о бабушке. На ее юность пришлись тяжелые годы. Она появилась на свет в конце XIX века в простой и небогатой крестьянской семье, в которой родилось двенадцать детей, но не все выжили. Дома говорили на бретонском. Представляете, бабушка ходила в школу всего два года – с семи до девяти лет! Там и выучила французский. Полученных знаний ей хватило только для того, чтобы научиться самостоятельно расшифровывать Библию. В семье решили, что этого достаточно и дальше она должна пасти коров...

⁷ Что означает «писательница»? (фр.)

Бабушка мечтала стать врачом. На протяжении всей жизни она покупала в букинистических лавках и на распродажах дешевые потрепанные книги по медицине, которые продавали студенты путешествующим букинистам. Ее библиотека состояла из очень умных учебников и монографий.

В 1914 году в возрасте восемнадцати лет она вместе с сестрой «поехала во Францию», то есть в Париж, так тогда у нас говорили, потому что Париж олицетворял собой Францию, а Бретань считала себя ею весьма условно. Поехали на заработки. У вас тоже, я знаю, Киев притягивает к себе рабочие руки из провинции. Это всегда шанс прокормиться и прокормить семью – зарабатывать в богатом месте, чтобы проедать деньги в бедном.

Все работники с Запада страны прибывали тогда на вокзал Gare Montparnasse, теперь на его месте уже стоит новое современное здание. И там, на вокзале, наивных приезжих ждали «агенты» работодателей. Многие из них были просто сутенерами, которые заманивали в свои сети очень доверчивых провинциальных девушек. «Настоящие» французы относились к бретонским девушкам как к здоровым, вежливым, но... недалеким. Этот образ закрепился даже в мультиках. Но сутенеры и не искали большого ума.

Надо сказать, что бабушке с сестрой тогда просто повезло в чужом большом городе! Они действительно наткнулись на представителя семьи одного буржуа, куда их наняли прислужой «на всю работу». Это была удача! Но буквально через несколько недель вспыхнула Первая мировая война, и напуганные девушки снова вернулись домой, в свой поселок *Charpelle-neuve*⁸ (*Karpe Nevez* на бретонском). Опять пасти коров. У меня дома на стене есть фото того периода – сестры в национальной бретонской одежде. Они там обе очень серьезные – потомки кельтов-мореплавателей, борцов за свой маленький гордый этнос...

После войны сестра там же на родине ушла в монастырь, а бабушка снова поехала в Париж и нанялась на работу в большое пригородное хозяйство. Сначала выращивать и убирать картофель (а что еще она умела?!), а потом бабушка много лет собирала розы и тюльпаны на цветочных плантациях богатой семьи де Вильморен. Их предприятия до сих пор продают разные семена и розы. Кстати! Луиза де Вильморен была довольно известной писательницей. Я слышала, что в вашей стране очень уважают Экзюпери, да? – Кристина оторвала взгляд от старинных медных кофеварок и мельниц, и улыбка Амалии подтвердила ей сказанное.

Так вот: эта Луиза была невестой писателя-летчика! Они были помолвлены. Но не сложилось. И, видимо, так должно было быть. Они были очень разными. Очень.

Кристина замолчала, словно задумчиво гладила взглядом старинные предметы на полках, и, видимо, что-то вспоминала. Амалия незаметно бросила взгляд на часы и подумала, что скоро вернется муж собеседницы и на этом рассказ может прерваться. Но та снова заговорила:

– Бабушка работала там много лет. Имея мужа и четверых детей. Мой дед тоже был бретонцем. Он, бедный, пострадал на войне от газовой атаки... Вы же слышали, как солдат в окопах травил ипритом? Он прожил после войны еще 15 лет, но был слаб здоровьем и умирал ужасно. Его обожженные едким газом легкие причиняли ему страшные страдания, а антибиотиков тогда еще не было...

Но, несмотря на это, супруги нажили за четыре года четверых детей, которых бабушка в итоге растила сама, и по мере своих сил дала всем образование. И всю жизнь провела, собирая цветы. Со стороны это может показаться романтическим занятием, не так ли? Собирать цветы до пенсии! Кстати, о пенсии – в смутные для Европы годы, конец тридцатых – первая половина сороковых (Вторая мировая война), из каждой ее зарплаты

⁸ Новая часовня (фр.).

хозяева вычитали определенный «пенсионный» процент, но... Но не платили его в государственную кассу. И так продолжалось десять лет!

Это стало известно, когда бабушка в ее шестьдесят собралась выйти на пенсию, но оказалось, что она ее еще «не заслужила».

Хоть я и нередко слышала, что характер у бабушки был нелегким, но она безропотно смирилась с этим и проработала еще десять лет в воинской части, выполняя привычную для нее тяжелую неквалифицированную работу уже в таком возрасте. Вот так просто богатые люди украли у нее десять лет жизни...

Кристин снова погрузилась в свои воспоминания, но вдруг услышала, что звякнул колокольчик на двери первого этажа, посмотрела в глаза собеседницы, словно хотела понять, осознала ли та все, о чем она рассказывала, и нужно ли было вообще открывать душу чужому человеку здесь, в чужом, хоть и таком красивом, городе?

Амалия тоже услышала, что кто-то вошел, и проследила за реакцией Кристин.

– Еще, еще расскажите что-нибудь о ней! – попросила женщина неожиданно искренне и жадно.

– Конечно, каждая энциклопедия поведаст вам, кто такая Луиза де Вильморен, кем были ее друзья и любовники, но нигде вы не найдете упоминания о Марии-Элизе Кабельгвен, скромной, незаметной, трудолюбивой, одной из тех, кто всегда находится неподалеку, но чьего мнения никогда не спрашивают.

Однако это она покупала мне маленькой в бакалейной лавке дешевые конфеты, склеенные между собой боками. Это она выносила с поля под юбкой картофелины, чтобы прокормить своих четверых детей. Это она пасла коров, вязала носки и мечтала лечить людей. Это у нее украли десять лет заслуженного отдыха...

Рука Кристин неожиданно стукнула по столу и замерла. Амалия осторожно положила свою ладонь на руку пожилой женщины. Француженка улыбнулась и накрыла ухоженную руку новой знакомой своей второй ладонью – рукой обычной женщины, которой многое пришлось делать в этой жизни.

– А еще – именно она купила мне толстый карандаш, с одной стороны синий, с другой – красный. И учила меня рисовать им французский флаг – все же не жаловалась и не ненавидела страну, которая украла у нее родной язык... Женщина, всю жизнь собиравшая для кого-то цветы, которой никто ни разу не подарил ни букета, ни цветка...

Скрипнула лестница, Амалия оглянулась и увидела седого мужчину, который приближался к столику, не скрывая своего удивления от того, что час назад оставил здесь одну женщину, а теперь нашел двух.

3

Три девушки лет двадцати расстались неподалеку от спуска к станции метро «Контрактная площадь», как обычно прощаются приятельницы – несколько поцелуйчиков в щечки, затем помахали друг другу руками, разошлись в разные стороны, оглянулись и помахали еще раз. Одна из них спустилась в подземный переход к метро, вторая направилась через площадь в сторону Андреевского спуска, а третья пошла к конечной остановке трамвая метрах в двадцати позади. Эта последняя была невысокого роста крашеной блондинкой с причудливой прической – голову ее обвивали спиралью искусно сплетенные косички, которые заканчивались пушистым асимметричным хвостиком над левым ухом. Одета она была в короткие джинсовые шортики и футболку, едва достигавшую пупка, а обута в белые кроссовки с разноцветными шнурками – салатовым и оранжевым. Маленькая джинсовая сумочка, скорее похожая на большой кошелек, висела на длинной ручке, перекинутой через плечо.

Девушка потопталась с минуту на месте, оглянулась на площадь, куда направилась одна из ее подруг, потом бросила взгляд на спуск к станции метро, развернулась и пошла через трамвайные рельсы на север.

Она всегда точно знала, где в городе находится Днепр, как и то, что течет он с севера на юг. По крайней мере, так это выглядело на карте. Она чувствовала присутствие невидимой за зданиями реки, как кошка чует мышь в темной кладовке. И внутренний ее компас ни разу не обманул. Собственно, она долгое время считала, что другие ориентируются таким же образом, и не раз удивлялась, когда люди не понимали ее объяснений вроде «100 метров на восток» или «два квартала на юг». Наконец, разобравшись, что другие устроены иначе, она оставила свою систему координат только для «внутреннего употребления».

Итак, девушка прошла один квартал в северном направлении и, на всякий случай оглянувшись, свернула направо. То есть – на восток. Она точно знала, что эта не слишком широкая, но прямая, словно прочерченная под линейку, улица вывела бы ее к реке. Но сейчас юная особа имела другую цель.

Звякнул звоночек над дверью, и официантка за барной стойкой напротив входа посмотрела на посетительницу.

– Что-то забыли? – вежливо спросила она, узнав одну из трех девушек, которые минут десять назад вышли из кафе.

– Нет. То есть да, – приблизилась к ней хозяйка причудливой прически и непарных шнурков, – я хотела немного расспросить о вашей акции... Знаете, я, пожалуй, оставлю свои координаты...

– Хотите быть Читателем или Книгой? – сдержанно улыбнулась ей книжница Аня.

– Давай на «ты», а? – махнула рукой посетительница, и обе рассмеялись, потому что были примерно одного возраста и официоз в их общении выглядел довольно странным.

– Давай! Так кем хочешь быть? Кстати, тебя как зовут? Меня Аней.

– Да вижу, что Аня, ты же подписана! – снова засмеялась гостья, но глянула на людей за ближайшим столиком и прикрыла рот ладошкой. При этом жесте Аня женским глазом оценила ее безупречный маникюр.

– Я Женя! Знаешь, я, конечно, могу травить байки, но вряд ли они кого-то очень интересуют, поэтому лучше бы сама «почитала» кого-то интересного, или как это у вас называется? – улыбнулась она.

– Еще не знаю, как это будет называться и что из этого получится, – понизила голос Аня, – это хозяин наш, который больше живет в Лондоне, чем здесь, забросил директрисе такую идею, где-то там такое увидел. А мы только начинаем. Хотя народ уже понемногу

проявляет интерес – вот даже картотеку Книг составляем. Ой... А ты в курсе, что мы угощаем Книгу кофе, а тебе придется оплатить выбранный ею десерт?

– В курсе, я читала афишу на двери. Это не проблема, если я раз или два в неделю, вместо того чтобы соблазниться пирожным, послушаю интересного человека! – тряхнула головой Женья, и русский хвостик над ее левым ухом весело отреагировал на это движение.

– Что, планируешь с кем-то интересным познакомиться? – подмигнула ей Аня и ловко вытащила из каталога одну карточку. – Вот, смотри, прикольный парень, капэишник, гуцул, – будет целый час травить тебе байки за кофе с пирожным! А может, и дальше чего...

– Этого еще не хватало! Кормить парней за свой счет! И не станет ему поперек горла мое угощение?! – возмутилась Женья.

– Нет, он нормальный, просто откликнулся на нашу рекламу, сказал, что имеет в запасе кучу историй – о Карпатах, о скаутах. И сама бы послушала, так я ж на работе!

– Нет, подруга, у меня другие цели... Мне бы кого-то разумного... С жизненным опытом...

– Ищешь старшего мужчину? Папика? – не сдержала скептического выражения лица Аня. – Так они вряд ли здесь Книгами за угощение станут работать!

– Еще этого мне не хватало! – скривила губы Женья. – Значит, так: я оставлю свои данные, а ты уж мне маякни, если вдруг у вас среди Книг появится какая-то женщина с неслабым жизненным опытом, но не забитая и затоптанная, а из тех, что прошли Крым и Рим и выжили, да еще и вверх идут, а?

– Аааа... Так бы и говорила. Поняла! – кивнула Аня и протянула новой Читательнице открытку-анкету. – Вижу качает тебя жизнь, подруга...

– Да не то чтобы очень качает, но... разговор с умным человеком не помешает!

– Ты гений! – вдруг всплеснула руками Аня. – Одни ходят к гадалкам, другие – к психотерапевтам, неслабые деньги из дому выносят, а ты за пирожное хочешь иметь то же самое! Бомба! Я бы не додумалась!

– Кхе... Собственно, я не совсем так себе это представляла, но... Может, ты немного и права, – пожала плечами Женья. – Ну, тогда я побежала, мне еще на работу надо заскочить, хоть и выходной сегодня, а ты это... Если что – маякуй!

– Хорошо! Договорились! А ты где работаешь?

– В салоне красоты. Администратором.

– Ух ты! Круто!

– Да не очень круто, небольшая парикмахерская в спальном районе, – махнула рукой Женья, – но мастера хорошие.

– Ага, я уже заметила, – подмигнула ей Аня и пошевелила в воздухе пальцами.

Юная администратор хихикнула, карикатурно, как гламурная блондинка, сделала обеими руками «бай!», развернулась и легкой спортивной походкой пошла на выход.

– Это что за странная такая приходила? – спросила книжница Вера, которая как раз спустилась с третьего яруса за заказом.

– Это? Новая Читательница! – улыбнулась Аня и помахала перед своим лицом открыткой-анкетой.

– О! Смотри-ка, а процесс, кажется, пошел. Кто бы мог подумать! Удачный день! Утром военный заходил, потом писательница с французами разговаривалась, а теперь еще эта.

– Писательница?! Как же я не подумала! Конечно! Хотя... Может, это и не то, что этой Жене нужно, кто ее знает... – Она оглянулась на Веру, но та уже исчезла за дверью кухни, а неутомимый колокольчик известил о новых посетителях – жаркий майский полдень загонял людей в уютные помещения с кондиционерами.

4

Амалия ехала домой в маршрутке. Сегодня она не испытывала дискомфорта от людей, с которыми судьба свела ее в ограниченном железном пространстве. Может, потому, что это был выходной день и маршрутка не была плотно нафарширована киевлянами и гостями города, которые все одновременно говорят между собой или по мобильному, при этом одни грызут семечки, а другие жуют шаурму с чесночным соусом, которая продается в киоске на конечной... Собственно, в такую компанию она попадала всего несколько раз, да и то, не в силах добраться до места назначения, выходила, чтобы пересидеть час пик где-то в кафе или поймать такси. До недавнего времени она много лет ездила на собственной машине, но жизнь иногда меняется до неузнаваемости... И поломка автомобиля – это, наверное, далеко не самое худшее.

Привычная и почти родная ей Пежуля теперь стояла на платной парковке недалеко от нового жилища Амалии, привезенная туда эвакуатором. После последнего снегопада на нее упала толстая ветка старого развесистого тополя, не выдержав веса обильного мокрого снега. Ветка толщиной в две женские руки разбила лобовое стекло, погнула капот и слегка крышу машины. Счастье, что хозяйка в тот момент не сидела в ней и даже не стояла рядом, а только приближалась к машине. Видимо, кто-то там, «наверху», решил, что пока рано.

Еще долго Амалия видела это, будто в замедленном видеоролике, который раз за разом прокручивала ей память. А потом она стояла на вечерней заснеженной киевской улице возле искалеченной машины и плакала. От испуга, бессилия, обиды, одиночества, не зная, что делать вообще и как именно действовать сейчас. Подходили люди, фотографировали мобильными разбитую машину, сочувствовали, давали какие-то нелепые советы, но она воспринимала все это, словно во сне. Наконец какой-то таксист притормозил на «ланосе» рядом и предложил ей конкретную помощь. Он спросил, застрахована ли машина, и, услышав, что нет, сам вызвал эвакуатор.

Срок страховки, кстати, закончился ровно две недели назад. Но Амалия не поспешила возобновить соглашение еще на год, не уверенная, что это вообще будет ей нужно. Этот гипотетический «еще год» казался тогда очень далеким, туманным и длинным сроком, и еще неизвестно было, дотянет ли она сама его до конца. Бывают в жизни такие периоды...

Иногда она грешным делом думала, что если бы шла чуть быстрее, то ветка, возможно, шарахнула бы ее по голове – и все! Это закрыло бы занавес спектакля, в котором жизнь будто вытолкнула ее на сцену играть чужую роль вместо своей, привычной за многие-многие годы. При этом – ни сценария, ни слов новой роли она не знала, а жила-играла словно наощупь, поглядывая вокруг, озадаченная такой неожиданностью. Но ветка и силы небесные выбрали Пежулю, а ее оставили играть дальше.

Надо сказать, что с машиной могло бы быть и хуже, а так – ходовая часть практически не пострадала. Просто Амалия понятия не имела, что ей теперь делать, ведь в старом спектакле рядом с ней был персонаж, который быстро и умело, будто с помощью волшебной палочки, решал множество вопросов – и бытовых, и автомобильных, и разных прочих, о которых она привыкла не задумываться. Но – занавес упал неожиданно и, как показалось Амалии, разрубил пьесу надвое. Далее – каждый отдельно, и она должна была теперь играть сама и наугад или не играть вообще.

Но сегодня она ехала в маршрутке домой и не испытывала дискомфорта, ведь в голове все еще звучали фразы на французском – и рассказ Кристин о ее бретонской бабушке, которая пережила столько трудностей в жизни, даже проведя ее среди шикарных цветов, и добрые слова о Киеве, которые восторженно говорил на прощание муж Кристин, и компли-

менты ее французскому произношению, и их приглашение: «Когда будете в следующий раз в Париже, непременно позвоните, мы вам покажем наши любимые места...»

«Когда будете в следующий раз в Париже...» – грустно улыбнулась Амалия, поправила на руках кружевные перчатки, привезенные когда-то именно оттуда, и снова включила «внутреннее видео» на повтор неожиданно «прочитанной» сегодня истории.

5

– ... Охи заорал я тогда! Бросил «болгарку» на пол, ухватился за руку, затопал ногами, стиснул зубы, присел и замер... Тихо стало так, будто я оглох. Вдруг где-то за стеной завыл пес. Затем в подъезде зажужжал лифт.

Боль не утихала, а наоборот – поднималась выше по руке. Я открыл глаза. «Болгарка» валялась в стороне, шнур был выдернут из розетки. А в метре от меня на паркете лежали на расстоянии друг от друга... два пальца. Я сжимал правой рукой левую ладонь и боялся отпустить, наверное, еще не верил, еще надеялся, что все не так плохо...

Но вдруг потекла кровь. Страшно и почему-то неожиданно. Я бросился на кухню – обычно именно здесь люди держат медикаменты. Здоровой рукой я выдергивал один за другим ящички кухонной мебели, иногда снова хватаясь здоровой рукой за покалеченную, чтобы зажать рану. Весь пол кухни забрызгал кровью, но мне было не до этого. Не найдя аптечки, я схватил из стопки чистое полотенце и туго обмотал им руку.

«Спокойно! Без паники! – как в армии, скомандовал я себе и мгновенно вспомнил недавно виденную передачу о достижениях современной хирургии. – „Скорую“! Срочно вызвать „скорую“! Надо успеть!»

Я бросился в коридор, где на полочке стоял хозяйский телефон, зажал закутанную руку в подмышку и другой набрал «103».

Молодой широкоплечий мужчина ударил правой рукой по столу, а затем покрутил перед собою левой, но вряд ли его собеседник, Виктор, разглядел отсутствие на ней двух пальцев, ведь тот сидел в помещении кафе в темных очках, и хоть и реагировал на рассказ, но, казалось, смотрел куда-то над головой рассказчика.

– И что? Как вы действовали дальше? – заинтересованно спросил слушатель. – Неужели не пытались спасти руку?

– Пытался. Через мгновение я отыскал на чужой кухне пустую полулитровую банку, даже сполоснул ее для порядка, и вернулся в гостиную, где как раз в тот день делал хозяевам ремонт.

Знаете, не буду скрывать – стремно было на них смотреть... А тем более – взять и положить в банку. Мне и не верилось, что это на самом деле мои пальцы, и хотелось бежать скорее к врачам за помощью, чтобы они все уладили...

Я присел на корточки и сделал это. Они были еще не холодные и упали на стеклянное дно один за другим тихо, как в немом кино. Запомнилось, что здоровая правая рука тогда ужасно дрожала.

Вдруг я осознал, что потерял чувство времени, а «скорая», видимо, уже вот-вот приедет, поэтому лучше бежать ей навстречу! Я схватил банку здоровой рукой и бросился к двери. По дороге заметил свою сумку, повесил ее на плечо, локтем нажал ручку входной двери, а потом толкнул дверь ногой, чтоб она закрылась. Так же локтем нажал кнопку лифта и прислонился к стене.

Острая боль в руке прошла, но две раны болели тупо, и казалось, будто через те места тянули из моей руки жилы.

Открылись двери грузового лифта. Мне было безразлично, какой приедет первым, лишь бы быстрее! Я вошел в кабину, натолкнувшись на тревожно-недовольный взгляд девушки с пышными рыжеватыми волосами, и локтем нажал кнопку первого этажа. Казалось, лифт спускается бесконечно долго. Я терял силы, а перед глазами все еще стояла абсурдная картинка – мои пальцы сантиметрах в двадцати друг от друга на светлом паркете гостиной, и возле каждого из них крошечная алая лужица.

Вдруг лифт замер и остановился, но двери не открылись. Я подождал мгновение и снова нажал кнопку с единицей. Движение возобновилось. Но теперь казалось, что лифт везет нас не вниз, а вверх, и при этом ползет так долго, как в высотке, а не в шестнадцатитажном доме. Я в сердцах ударил ногой по двери, в ответ рука отозвалась резкой болью, но ничего не изменилось – лифт двигался медленно, словно издевался. Я поднес к лицу раненую руку – полотенце уже пропиталось кровью.

Барышня, которая стояла позади меня, строго сказала: «Что вы вытворяете? Взрослый человек! А я, между прочим, спешу!»

Я уже потерял ощущение времени, силы меня покидали, хотелось присесть, а еще лучше – лечь, замереть и заснуть. Но где-то навстречу мне уже мчались врачи, и я тоже должен был спешить... Чтобы не упасть, я поменял позу и прислонился к стене. Видимо, задел какую-то кнопку, потому что лифт снова дернулся и замер. Дверь не открылась. Моя сумка предательски сползла с плеча на пол. Девушка гневно посмотрела на меня и отшатнулась – у меня не было сил говорить, я только протянул к ней банку со своим сокровищем. Она замерла. Я показал ей вторую руку, замотанную уже покрасневшим полотенцем. Она быстро поняла, что с рукой плохо, но что во второй?

Я поднял банку выше, мутный свет бледной лампы осветил ее содержимое, девушка присмотрелась, вскрикнула и прикрыла рот ладонью.

Мгновение мы смотрели глаза в глаза, но вдруг она качнулась и начала оседать вниз. Сумочка с ее плеча упала на пол. Я будто проснулся от этого стука и обхватил девушку обеими руками, хотя одна была в крови, а пальцы второй судорожно вцепились в банку.

Это хрупкое тело оказалось довольно тяжелым, никак не хотело стоять на ногах, и я смог только посадить барышню на пол спиной к стене. Тупая боль в руке от движений переходила в острую, меня самого шатало, и вдруг я услышал, что где-то на другом этаже кто-то стучит в дверь лифта.

Рассказчик достал из кармана мобильный, порылся в меню, и на экране появилось фото очаровательной рыжеволосой девушки.

– Вот она! – Он протянул мобильный слушателю. – Ой, простите, я опять забыл, что вы... То есть... Извините, каждый раз волнуюсь, когда возвращаюсь к этой истории, хотя рассказываю ее, пожалуй, в тридцатый раз, но все больше своим, а вот так, как книгу, – это впервые.

– Ничего, Ярослав, не стоит извиняться. Тем более что, если позволите поднять экран к глазам, я могу и увидеть, он же светится. А это облегчает... – Слушатель принял на ладонь смартфон и поднес экран к глазам, то есть к темным очкам.

– Правда, красивая? – не сдержал широкой улыбки собеседник.

– Очень, просто сказочная! – улыбнулся Виктор и отдал мобильный хозяину.

– Ну, так вот. Она сидит себе дальше и приходит в чувство, я едва стою на ногах, лифт завис, а внизу кто-то стучит кулаками в дверь и кричит: «Одурели там, что ли? Катаются они! А нам что, холодильник на себе тянуть?»

Здесь я собрал последние силы, прижался лицом к щели в дверях и рявкнул: «Да сделайте же что-нибудь! Здесь человеку плохо! Вызовите кого-то!»

Время словно остановилось. Переговоры с диспетчером по встроенной связи обнадежили, что когда-нибудь нас выпустят. Мы сидели в полумраке на корточках друг перед другом, а на полу между нами стояла банка с моими пальцами...

Девушка сказала: «Разматывайте руку, надо пережать сосуды, чем-то перетянуть запястье, вон полотенце все в крови...»

Она встала и сняла с длинной юбки самодельный пояс, сплетенный из полосок кожи и монеток. А мне велела снимать футболку. Я освободил руку от окровавленного полотенца, бросил его в угол кабины, со страхом взглянул на обрубки пальцев. Девушка увидела то же, но

сознания не потеряла, а будто вся подобралась, втянула голову в плечи и ловко перехватила мое запястье пояском, а затем спеленала руку футболкой, сложив ее вдоль.

Не знаю, сколько времени прошло...

Вдруг в дверь энергично постучали снаружи: «Это вы вызвали „скорую“? Кто в лифте? Сколько вас там?»

«Это мы вызвали», – сказал я уже безо всякой надежды.

Но вдруг попутчица моя вскочила и принялась колотить кулачками в дверь: «Бригада! Спасите! Спасите человека! Ему плохо! Он потерял много крови! И пальцы тоже тут, в банке! Нельзя терять время!»

Неуверенный молодой голос снаружи сказал: «Что, может, будем ломать дверь?»

«А ты умеешь? Были прецеденты?» – вместо ответа спросил второй.

«Умные вы, гиппократы! Вам лишь бы ломать... Вы людей лечите, а к механизмам лучше не лезьте!» – буркнул третий.

«Вы что там – издеваетесь?!» – рявкнул я и со всей дури ударил ногой по двери. Лифт вздрогнул и снова двинулся вниз, а я увидел перед собой испуганное лицо девушки с растрепанными курчавыми волосами и удивленными глазами...

Ярослав замолчал и выпил одним глотком эспрессо, уже остывший в маленькой чашечке.

– А дальше что? – не удержался от вопроса Виктор.

– Дальше? Когда лифт остановился, а двери его разъехались в стороны, мы вышли из него вдвоем, поддерживая друг друга. Люди, собравшиеся на площадке первого этажа, отшатнулись. Я – полуголый, оба грязные, окровавленные и уставшие, мы шли, как последние защитники Брестской крепости, при этом девушка плакала и свободной рукой держала банку с моими пальцами.

По лестнице с топотом сбегал вниз запыхавшийся медбрат. В этот миг открылись двери пассажирского лифта и из него вышел врач со своим чемоданчиком, а вслед за ним лифтер – со своим.

«В машину! – оценив наш вид, командовал врач. – Времени нет! Хотя... Скажите, в котором часу вы получили травму?»

Я на это только пожал плечами. Шустрый медбрат взглянул на часы и сообщил, что вызов поступил ровно в полдень.

«Мдааа...» – невесело сказал врач, а мы с девушкой встретились глазами.

«Что? Что это значит?» – девушка перевела взгляд на врача.

«Ну... значит, что травма была получена еще раньше. А сейчас половина второго... А такая хирургия – это очень деликатное дело... Плюс – доехать в специализированное отделение по Киеву, это даже с мигалкой минут сорок... – Он достал из кармана сигареты, но потом резко сунул их обратно. – По коням! Все равно надо ехать зашивать. А нормальный мужик проживет и без пальцев! Это же не голова и не...»

Вплотную к подъезду стояла «скорая».

Девушка вдруг спросила, можно ли ей поехать со мной и, не дожидаясь ответа, передала медбрату банку, а тот с выражением безграничной скорби торжественно принял груз.

Я вытер здоровой рукой слезы на ее щеках и спросил, как ее зовут. Оказалось, что Вероникой.

Вдруг из подъезда кто-то закричал:

«Сумки! Сумки в лифте оставили!»

«Господи! – Девушка хлопнула себя по лбу. – Я же ехала на собеседование, на работу устраиваться! Там же все документы! Да черт с ней, с той работой!»

И мы поехали зашивать. Вот такая история.

Ярослав улыбнулся и посмотрел на часы.

Виктор, предчувствуя, что это еще не конец истории, сдержался и ничего не спросил.

– Ну, вот почти все. Правда, история не новая, ей уже четыре года, – сдержанно улыбнулся молодой мужчина, оценив выдержку бывшего военного, – и она имела продолжение. Может, это кому-то и покажется странным, но не мне. Судьба, забрав у меня одним махом два пальца, свела с женщиной, которая вскоре одним махом родила мне двух сыновей!

– Да уж прям одним махом? – хмыкнул слушатель.

– Ну, не настолько мгновенно, но я считаю это очень неплохой компенсацией, – подмигнул собеседнику Ярослав, снова забыв о минимальном зрении Читателя.

– Это просто сказочный финал, спасибо! Если бы это была обычная книга, я бы очень усомнился в реальности такой развязки и такого стечения обстоятельств! – развел руками Виктор.

– Точно! Я бы тоже. В книгах пишут черт-те что! Все, что автору заблагорассудится. Я, правда, читаю мало – когда мне? Надо семью кормить. А вот Ника читает. Иногда и мне пересказывает. Но не во все верится, честно скажу. Но я вам рассказал чистую правду. И недостаток пальцев предъявил как доказательство! Правда, эту историю мы еще лучше рассказываем с женой в ролях...

– А компенсацию?

– Что компенсацию? – не понял Ярослав.

– Компенсацию не предъявили! Жену и сыновей! – улыбнулся слушатель.

– Это легко проверить! Если захотите убедиться – закажите в следующий раз не меня, а мою жену в этой вашей странной Живой библиотеке, и попросите, чтобы пришла с пацанами! Правда, они быстро разнесут эту кофейню вдребезги, факт! – засмеялся Ярослав и снова посмотрел на часы. – Должен бежать. Рад был познакомиться! А сейчас спешу, надо возвращаться на объект, на днях заканчиваю там класть плитку и едем с детьми в Крым. Живем нормальной реальной жизнью. А вы говорите – так не бывает!

Рассказчик встал, и Виктор повторил его движение. Мужчины пожали друг другу руки, протянутые над столиком с двумя пустыми чашками. Пирожных они не заказывали – Ярослав сказал, что сладкого и дома ест много, и посоветовал угостить его десертом следующую Книгу, особенно если это будет молодая особа с интересной лирической историей.

Виктор согласно кивнул. В этот момент Ярославу захотелось заглянуть ему за очки, но он, конечно, сдержался, распрощался и быстро спустился вниз, придерживаясь за перила искалеченной рукой. Виктор остался за столиком, чтобы немного побыть в одиночестве и обдумать услышанное – чего только не случается с людьми! Вот тебе раз – первая «прочитанная» история, а такая неординарная!

6

Вечером все же прогремела майская гроза, которая сообщала о своем приближении еще с обеда. Целый день по небу проносились небольшие, но плотно-кудрявые облака, на мгновение прикрывая палящее солнце, время от времени поднимался ветер, крутил смерчи из пыли и брошенных бумажек, катал пустые пластиковые бутылки, прислоненные где-то у стены или брошенные под забором не слишком экологически настроенными жителями города, которые еще не научились, как европейцы или, скажем, японцы, нести эту бутылку в руках, пока не найдут мусорник, а то и к себе домой, но не бросать где попало. И так, все это слишком временное на теле вечного города с порывами ветра каталось под ногами, летало, кружилось, шуршало и гремело, потом снова успокаивалось, но дождя все не было. Прохожие прислушивались к далекому грохоту, прищуривали глаза и отворачивались от песочного ветра, смотрели на небо, но оттуда за весь день и не капнуло.

Однако как только вечер накрыл город, ветер затих, все будто замерло вокруг – притихли даже нахальные киевские воробы, которые изо всех сил чирикали целый день на цветущих каштанах перед балконом Амалии. Неожиданная тишина казалась женщине ненастоящей и даже подозрительной, ведь она обычно точно предчувствовала грозу и без прогнозов Гидрометцентра – боль в висках или в затылке сжимала ее голову за несколько часов до начала ливня. А когда дождь обходил город стороной, в голове светлело и боль постепенно отпускала. Но не сейчас! Таблетки пить не хотелось, кофе на кухне закончился, и женщина решила выйти прогуляться в супермаркет и обратно по вечернему городу, тишине которого она не очень доверяла, поэтому прихватила с собой зонт с длинной ручкой.

Джинсы, футболка, кроссовки, зонт, пятьдесят гривен в кармане – вполне достаточно, чтобы пройти две остановки до магазина. В последний момент перед выходом из дома женская рука потянулась за темными очками, лежавшими на полке в коридоре – этот аксессуар даже вечером создавал ощущение отстраненности от чужой жизни, словно закрывал ее в собственном микромире, представлял собою защиту, необходимую для человека, который не хочет лишних контактов.

Было еще не поздно, около девяти, но улица спального района казалась безлюдной и удивительно тихой. Зато из открытых окон иногда вырывались эмоциональные возгласы – по телевидению транслировали футбольный матч с участием «нашей» команды, и болельщики прилипли к экранам.

Амалия бездумно двигалась в намеченном направлении, и ее мозг в измученной болью голове автоматически анализировал запахи цветущих деревьев и кустов, которые росли вдоль улицы. Сирень будто кричала своими ароматами из полутьмы, требуя обратить на нее внимание. Когда-то очень давно, в другой жизни, в небольшом городке мальчишка Артур ломал возле частных домов сирень охапками и, подкравшись к ее открытому окну, оставлял букеты на подоконнике.

«А если бы я жила не на первом этаже того хруща, а на последнем?» – спросила она через много лет своего мужа.

«Я бы спускал их тебе с крыши!» – ответил он.

С той далекой поры их общей юности аромат сирени и жасмина всегда вызывал у нее добрую улыбку, то ощущение «дежа вю»⁹, которое возникает от фильмов нашего детства, знакомых с первого до последнего кадра.

Всегда. Но не в этом году. Сейчас этот букет ароматов нагнетал боль головную, а также душевную.

⁹ От французского «déjà vu» – «виденное ранее», ощущение, будто ты переживаешь определенные события не впервые.

Минут через десять Амалия вышла из супермаркета и остановилась на его лестнице, увидев молнию, которая разрезала пополам небо над девятиэтажками. Через мгновение загремело, взвыли сигнализациями машины и огромные капли одна за другой застучали по крышам автомобилей. Они одна за другой разбивались об асфальт и, сливаясь в лужицы и лужи, превращались в ручьи и потоки. А через минуту отдельных капель уже не было видно – ливень образовал водяную стену перед глазами людей, замерших на лестнице магазина. Некоторые вернулись в помещение, но Амалия осталась стоять, сосредоточенно и зачарованно наблюдая буйство стихии.

Опять сверкало, гремело, опять ревела сигнализация, ветер срывал с деревьев и швырял вниз листья, с треском падали ветки – света белого не было видно, если ночью вообще можно говорить о белом свете. Амалия не сдвинулась с места. Она стояла, прижав к себе длинный нераскрытый зонт и вакуумную упаковку молотого кофе, и как будто не замечала, что козырек над входом прикрывает только ее голову, а по телу, от груди и до кроссовок, бьют косые струи дождя, заходя то с левой стороны, то с правой. Волосы ее тоже стали влажными и растрепались от ветра, но... Но женщине становилось все легче и легче – головная боль отступала, и хотелось вдыхать этот влажный пахучий воздух полной грудью. Она сделала шаг вперед, еще один шаг. Одной рукой все еще прижимая к себе кофе и зонтик, вторую протянула перед собой ладонью вверх – капли щекотали и облизывали ее, и не было от этого холодно или неприятно. Амалия посмотрела на свои уже мокрые джинсы и кроссовки, подняла лицо вверх и медленно двинулась в дождь, который, казалось, уже немного устал.

– Вот если бы у меня был с собой зонтик, то я бы его по крайней мере открыла! – резюмировала поступок незнакомой женщины девушка, которая топталась на несколько ступенек выше, прямо в дверях супермаркета, держа в руках полулитровую пачку питьевого йогурта.

– Если бы у меня был зонтик, я бы дал его тебе, а тебя понес бы на руках! – развил гипотетическую ситуацию парень, стоявший возле нее, и обнял подругу за талию.

– Но зонтиков у нас нет, и мы, как два пенсионера, стоим и боимся дождя! – вызывающе посмотрела ему в глаза девушка, и для этого ей пришлось запрокинуть голову вверх, ведь она едва достигала плеча своего спутника.

– Ну, я бы не стал расписываться за обоих! – проурчал ей в затылок парень, коснувшись пальцами горячего девичьего тела между короткой футболкой и шортами. – Я в пенсионеры не записывался!

– Неужели? – ущипнула его за руку девушка.

– А то! – ответил он, подхватил миниатюрную подружку на руки и бросился с нею под дождь.

– ГОООООООООЛ! – вырвалось одновременно из многих окон.

– Аааааааааа! – закричала девушка.

7

Они жили в соседних дворах и знали друг друга с детства, хоть и учились в разных школах. Женька бегала в ближайшую пролетарскую общеобразовательную школу их микрорайона и училась там выживать, а Илья закончил лицей, за который родители выплачивали немалые деньги, а потом они же протолкнули его в коммерческий вуз – не в армию же ребенку идти? Правда, «ребенок» ростом метр девяносто не очень-то и хотел учиться, но все же пользовался продленным родителями беззаботным детством. Поэтому не из нужды, а скорее чтобы выглядеть среди друзей «самостоятельным мужиком», он иногда зарабатывал свою копейку, фотографируя свадьбы, крестины и другие торжественные события, обычно у знакомых. Для этого занятия родители когда-то профинансировали приобретение профессионального фотоаппарата и всего необходимого.

Правда, в основном Илья фотографировал просто так, для удовольствия и «для понта», выкладывал фотографии в соцсетях и рассылал друзьям по Интернету – это создавало ему определенный репортерский имидж. Однокурсники набивались на фотосессии, приглашали на природу или к себе. Последствия этих фотосессий бывали разными, но отношения не затягивались надолго. И только одна из всех знакомых девушек совсем не реагировала на его «специализацию». Невысокого роста, светловолосая, знакомая с детства Женька Пожарская из соседнего дома, казалось, видела Илью насквозь и, острая на язык, лишь подсмеивалась над его «понтами».

В глубине души Илья и сам понимал, что это все игрушки взрослого парня, все еще не самостоятельного в этой непростой жизни, но ведь другие-то девушки воспринимали его всерьез и стремились к отношениям! Только не она. Казалось, Женька живет своей параллельной жизнью, далеко не такой легкой и предсказуемой, как у него, но никогда не жалуется и не просит поддержки, живет – и все о нем понимает. А он, здоровый балбес, смелый со всеми, почему-то не решался переступить с ней границу, отделяющую знакомство от отношений. И тогда, когда Женька еще была одна, и уже потом, когда она распрощалась с тем чокнутым Дэном, с которым была несколько месяцев, а все знали, что он не прочь выпить, покурить травы и поприставать к другим девушкам. Илья, вполне успешный, «без вредных привычек» и востребованный в женском обществе, остерегался, что эта девчонка отошлет его при всех, царапнет по живому. Но именно к ней его необъяснимо влекло, именно ее хотелось подхватить на руки, опекать и развлекать, как ребенка, любить как женщину и защищать от разных бед.

Их траектории пересекались в дворовых компаниях, на именинах и пикниках, иногда они заваливались компанией «на пати», в клуб или просто выходили с друзьями «на пиво» в соседний паб – не столько пиво пить, сколько поговорить о новостях общих знакомых и рассказать свои. И нередко Илья чувствовал, что если бы не надеялся увидеть там Женьку, то и не шел бы слушать эту дурацкую болтовню. И цепляло его за душу, когда она приходила не одна и кто-то выдавал ее за «свою девушку», а особенно – когда она усаживалась кому-то на колени и тот по-хозяйски ее обнимал.

Иногда Илье казалось, что в такие моменты Женька просто испытывает его нервы и «снимает реакцию», однако он изо всех сил старался не выдать себя – рассказывал веселые истории или фотографировал компанию, а то и сам «клеил» какую-нибудь приبلудившуюся деву, исподтишка наблюдая, как реагирует соседка. Реакция была нулевой. И каково же было его удивление, когда она сама сделала первый шаг, ведь он уже и не надеялся.

В день, когда столица изнывала от майской жары, дождь все никак не проливался на город, а «Динамо-Киев» играло где-то на чужом поле, Илья с компанией сидел в баре, который в последнее время перекрестили в «паб», и смотрел на плоском экране вялый матч.

Женька сидела неподалеку и явно скучала, отодвинула от себя кружку с пивом и только грызла соленые орешки. Вдруг она уловила взгляд Ильи, посмотрела на экран, к которому были прикованы взгляды остальной компании, и сказала:

– Хочу йогурт!

Никто не обратил на это внимания. То ли она тихо сказала, то ли все были заняты пивом и ситуацией на поле, но только Илья вопросительно взглянул на нее.

– Я могу сходить за ним в маркет, – сказал он, кивнув назад: именно там в двухстах метрах был круглосуточный магазин, где хватало всего. – Тебе какой?

– Питевой. Клубничный. И холодный! – не отрывая привычно-насмешливого взгляда от его глаз, сказала Женька.

– Так я пошел? – шевельнулся Илья.

– Пойдем вместе, нет сил смотреть, как они бегают и ни черта не забивают! А то еще принесешь что-то не то, – хмыкнула девушка и выскользнула из-за столика.

– Как хочешь, – прошуршал почти беззвучно Илья, одним глотком допил из кружки пиво, и через полминуты они уже молча шагали к супермаркету.

Ливень застал их на выходе из магазина – хлестал вовсю, крутил молодые деревья, срывал ключьями листья, ломал ветки старым. В небе сверкало, от грома Женька вздрогнула и по-детски схватила Илью за руку. Завыли сигнализациями автомобили, покупатели, застигнутые на лестнице магазина, вернулись в помещение. Только странная задумчивая женщина с неоткрытым зонтом и они вдвоем стояли на лестнице под навесом, но он не мог защитить от непогоды, которая крутила и хлестала, словно сорвалась с цепи и спешила побольше начудить, пока ее не усмирили невидимые силы небесные.

Вдруг женщина, стоявшая рядом, сделала шаг вперед, еще шаг... Одной рукой она все еще прижимала к груди пакет кофе и зонтик, а вторую протянула перед собой, и капли заплясали по ладони. Затем она посмотрела на свои уже мокрые джинсы и кроссовки, подняла лицо вверх и медленно двинулась в дождь, который, казалось, уже немного устал.

– Вот если бы у меня был с собой зонтик, то я бы его по крайней мере открыла! – резюмировала поступок незнакомки Женька.

– Если бы у меня был зонтик, я бы дал его тебе, а тебя понес бы на руках! – выдохнул ей в затылок Илья и обнял за талию.

– Но зонтов у нас нет, и мы, как два пенсионера, стоим и боимся дождя! – вызывающе посмотрела ему в глаза девушка, и для этого ей пришлось запрокинуть голову вверх.

– Ну, я бы не стал расписываться за обоих! – проурчал ей на ухо парень, коснувшись пальцами горячего девичьего тела между короткой футболкой и шортами. – Я в пенсионеры не записывался!

– Неужели? – ущипнула его за руку девушка.

– А то! – ответил он, подхватил Женьку на руки и бросился с ней под дождь.

– ГОООООООООЛ! – вырвалось одновременно из многих окон.

– Аааааааааа! – закричала девушка, но крик ее слился с дождем и захлебнулся поцелуем – Илья как раз добежал до развесистой вербы, прижался спиной к стволу и впился губами в девичьи уста.

8

Книжная кофейня жила своей жизнью так же, как и люди, которые привязались к ней невидимыми нитями благодаря акции «Живые книги» и навещали туда «на кофе» довольно часто. Не всегда Читатели пересекались друг с другом, разве что писательница Амалия и Виктор, бывший военный в темных очках, несколько раз попадали в заведение в одно время, но дама выбрала себе столик у перил верхнего яруса, а мужчина усаживался этажом ниже, спиной к занавешенному окну, прислушиваясь к настенным часам, негромко отбивавшим наступление каждого нового часа.

Жаркий и грозовой май был в разгаре, и однажды Виктор договорился через девушек-книжниц о встрече с человеком, готовым поделиться размышлениями о мистике в обыденной жизни Киева и какими-то историями. Встреча была назначена на час дня. Виктор пришел раньше и, общаясь с девушками у бара, узнал, что «эта писательница» уже полчаса сидит на верхнем ярусе за своим столиком, а заказанная Книга не пришла.

– Так я не против «почитать» вместе с дамой мою Книгу, – сдержанно улыбнулся мужчина, – можете передать ей мое приглашение. Правда, что уж там в Книге, я не знаю, поэтому наперед снимаю с себя ответственность!

– Ух ты! Это классно! – едва не захлопала в ладоши книжница Вера, а затем перешла на шепот: – Ведь вон она, Амалия, взяла книгу с полки, листает ее и пьет кофе, а нам как-то неудобно, хотя мы и не виноваты... Вы нас просто спасли!

– Да и вам, может, интересно будет познакомиться с настоящей писательницей? – оглянулась на лестницу книжница Аня.

– Еще бы! Никогда не видел живых писателей! – почему-то хмыкнул Виктор, а потом вздохнул. – Боюсь, правда, что уже и не увижу...

Вера проводила его за столик под часами и поднялась по лестнице выше, чтобы передать его приглашение Амалии. Та была сегодня без настроения, нерешительно выглянула через перила на «мужской этаж», мгновение колебалась, но согласилась.

Они познакомились. Виктор поднялся и протянул для приветствия руку. Амалия подала свою, держа в другой маленькую сумочку. Рука ее была прохладной, а духи – узнаваемыми, он запомнил их с первой встречи, когда разминулся с этой женщиной в дверях.

Мужская рука была сильной, но не мозолистой, и пожала женскую деликатно.

Не успела пара Читателей перекинуться стандартными для знакомства фразами, как в кафе вошел невысокий худощавый мужчина лет за пятьдесят, одетый в темно-серый, почти черный костюм и светлую полосатую рубашку. Это выглядело несколько странно, ведь на улице царила жара. Разве что расстегнутый пиджак и отсутствие галстука указывали на то, что ему тоже не холодно. Вид у мужчины был несколько растерянный, казалось, что он попал в современное кафе с продуманным ретро-дизайном откуда-то из поздних советских времен и оглядывался вокруг, словно ища поддержки.

Книжница Аня подвела его к столику, где сидели Виктор с Амалией, но тут посетитель совсем смутился, ведь ему предварительно сообщили, что Читателем будет один мужчина. Он топтался у столика и все не решался присесть. Виктор, угадав смущенное состояние Читателя, сказал:

– Юрий, здравствуйте, меня зовут Виктор, это я просил о встрече с вами, но, если вы не возражаете, госпожа Амалия тоже послушает то, о чем вы готовы рассказать.

Мужчина бросил взгляд на Амалию, смотревшую на него с сочувствием, которое обычно вызывают у интеллигентных людей слишком нерешительные особы, молча кивнул, как-то фатально махнул рукой в знак согласия и обреченно сел на стул напротив Виктора.

На минуту между ними воцарилась тишина, лишь из скрытых динамиков ненавязчиво играла музыка. Эта космическая инструментальная композиция будто очаровала посетителя и заставила Амалию с Виктором тоже прислушаться.

– «Спейс»? – Амалия взглянула на Виктора, но темные стекла очков не пропустили ее глубже.

– Нет-нет, это «Зодиак»! Но вы, вероятно, слишком молоды, чтобы помнить период их суперпопулярности в начале восьмидесятых! – неожиданно живо отреагировал Юрий, махнул обеими руками, как дирижер, и лед тронулся – контакт был установлен.

– Да, пожалуй, это действительно «Зодиак». Но как же похожи они на «Спейс»! Я и в молодости их путал, потому что мне, как говорят, медведь на ухо наступил, – засмеялся Виктор. – Но, согласитесь, это очень подходящий аккомпанемент для рассказа о мистических приключениях в Киеве, не так ли?

– Может, пусть наш рассказчик сначала закажет себе кофе с десертом? – вмешалась Амалия.

– Да-да, вы же читали условия акции? – Виктор нащупал на столе оставленное Верой меню и подсунул его Юрию.

Через несколько минут, справившись со своим волнением, мужчина начал рассказ о чудесах, случавшихся в этом вечном городе, о чудесах, свидетелем которых он был, но так и не нашел им объяснений. А Амалия подумала, что, к счастью, ни книжницы, ни Виктор сегодня не представили ее как писательницу, ведь, узнав об этом, сегодняшний господин Книга мог бы разволноваться еще больше, а то и вовсе отказаться от участия в игре.

– Я работаю здесь неподалеку, увидел на дверях объявление об акции и решил кому-то это рассказать. Может, кто-нибудь меня понял бы, объяснил, что это такое... Собственно... У меня нет друзей... То есть таких друзей, кому можно было бы рассказывать такую ерунду... А эта выдумка о Живых книгах мне понравилась. Это похоже на общение с незнакомыми людьми в ночном поезде... – произнес Юрий, глядя на полочку с медно-блестящими старинными турочками для кофе, но вдруг перевел взгляд на Амалию и улыбнулся. – И потом, – кофе с пирожным в таком изысканном заведении... Сам бы я вряд ли решился сюда зайти, я – человек небогатый, хоть и не бедствую, но приходить сюда самому – это как-то странно, вам не кажется?

Юрий взглянул на обоих Читателей, а они синхронно сдержали улыбки, ведь уже не раз пили здесь кофе каждый наедине с собой. Однако он не смутился, а только пожал плечами и жадно втянул ноздрями запах поданного эспresso.

– Так вот, о мистическом. Я живу в спальном районе, там, за Днепром, – махнул он рукой в сторону окна, – и каждый день на маршрутке езжу на работу и с работы. Это еще то испытание! В среднем сорок минут в одну сторону. Радует одно – я живу возле конечной и утром мне удается втиснуться в бусик, а иногда даже сесть. Ведь через несколько остановок водитель перестает реагировать на людей, машущих руками с остановок, потому что маршрутка уже полным-полна. Так и катаюсь – с конечной до конечной пять дней в неделю. И таких, как я, много. За годы этих поездок люди уже узнают друг друга, здороваются и даже общаются. Хотя я не из тех, кто заводит болтовню ни о чем да с кем попало. Я больше люблю наблюдать. Когда усаживаюсь, то читаю книгу, хоть и знаю, что это портит зрение, но чтение хоть как-то разнообразит поездки.

И вот так случилось, что я зацепился глазом, а может, и душой, за одну странную даму. Это была необыкновенная женщина, скажу я вам. Я встречал ее только здесь, на Контрактовой площади, в очереди на конечной маршрутки. И то – по вечерам. Заметьте – ни разу не ехал с ней утром. И ни разу – в понедельник. Анализ этих фактов приводит к

выводу, что дама имеет выходной по понедельникам и на работу ездит не на девять, как я, а позже. – Юрий сделал глоток ароматного кофе и прищурился.

Амалия улыбнулась, рассматривая этого человека, такого последовательно-логичного, одетого в старомодный костюм, наверное, очень сдержанного в повседневной жизни. Что же такого должно было случиться, чтобы он решился прийти и рассказать свою историю чужим людям? И не выдуманной ли будет эта история? Просто ради бесплатного кофе и порции чизкейка?

– Простите, – не выдержал паузы Виктор, – а чем же эта женщина была такой необычной?

– О, поверьте мне, она действительно отличалась от других! Она была невысокого роста, собственно, и я не баскетболист, и толстые тетки или худые долговязые модели с серьгами в пупках под короткими майками, сами понимаете, меня мало интересуют. Эта же была не тощей и не толстой, а каштановые ее волосы были всегда интересным образом закручены и заколоты на затылке. Но главным было другое. Ее глаза... Невероятные глаза... Я увидел их почти вплотную, когда был вынужден коснуться пальцем ее плеча, чтобы передать водителю чьи-то пять гривен на билеты. Она оглянулась и какое-то мгновение смотрела мне в глаза. Ресницы ее затрепетали, она подняла руку и взялась за купюру.

Я увидел ее тонкие пальцы и кружево на манжете белой блузки, которое выглянуло из рукава черного плаща... Я так растерялся, что не сразу выпустил купюру, и какое-то мгновение она будто соединяла нас. Вдруг водитель затормозил. Человеческая масса качнулась, я наткнулся грудью на плечо этой дамы, выпустил купюру и ухватился за поручень, удерживая спиной напор нескольких пассажиров. Моя попутчица ткнулась вторым плечом в квадратную спину какого-то работяги, стоявшего впереди, ресницы ее встрепенулись, наши взгляды снова встретились, и меня вдруг бросило в жар, чего уже давным-давно не случалось. Я пробормотал «пардон», хотя французским не владею, но мои извинения утонули в криках пассажиров, адресованных водителю и тому, кто перебежал улицу перед маршруткой.

Целый день на работе память возвращала мне образ этой удивительной женщины с такими трепетными ресницами и невероятными глазами. Она казалась мне совсем не такой, как другие современные женщины. Вы уж простите, но как-то надоела их напористость, вульгарная прямота, эта мощная сила слабого пола кругом – и в жизни, и на экране, и на страницах газет, и крупным планом с придорожных бордов. Достала их белозубая улыбка и стопроцентная сексуальная готовность! – эмоционально выпалил Юрий, взглянул на Амалию и про себя отметил, что она чем-то похожа по типу на ту его незнакомку. – Правда, неутешительна и другая крайность – наша печальная базарная реальность...

Меня уже давно смущает ощущение ненастоящести, синтетичности нашего бытия – от воды, еды, воздуха, одежды и до человеческих отношений согласно кем-то навязанным шаблонам. Вот потому эта женщина так меня поразила – именно своей несовершенностью, непохожестью на других, удивительной грацией и манерами. Весь тот день я, составляя статистические отчеты в конторе, вспоминал ее. И дал себе слово впредь наблюдать за ней, а может, и завязать знакомство.

Я встречал ее на конечной и здоровался. Она отвечала мне и тут же переводила взгляд дальше или просто прятала глаза за трепетными ресницами. Я перестал читать в дороге и украдкой поглядывал на эту женщину, сравнивая ее с другими. И хотя еще долго между нами не было сказано ни слова, кроме приветствия, я надеялся, что тоже небезразличен ей. Несколько раз мы стояли в утробе маршрутки недалеко друг от друга, хотя и не вплотную. И я чувствовал запах ее духов. В них было больше чего-то медицинского, чем парфюмерного, какой-то давно забытый аромат, будто откуда-то из детства. И эта неразгаданность

волновала меня больше, чем в годы юности аромат женских духов, который жадно «пьешь» ноздрями.

Мне казалось, что я ее откуда-то знаю, но, перебирая по ночам в памяти образы знакомых женщин от школьной скамьи и по сей день, я не находил никого подобного. А еще... Только не смейтесь! Мне казалось, что я знал ее еще раньше, в какой-то другой жизни... А может, она напоминала героиню фильма?

Амалия и Виктор вовсе не смеялись, ведь нерешительный сначала рассказчик выглядел неожиданно возбужденным и действительно взволнованным. Читателей уже разбирал интерес, что же там случилось дальше.

– Однажды вечером что-то произошло на набережной, и наша маршрутка попала в дорожную тянучку. Все мы имели шанс застрять надолго, еще даже не переехав через Днепр. Но в тот раз водителем был молодой энергичный парень, у которого словно был нюх на подобные ситуации – он нередко находил способ выбраться маленькими улочками или по тротуарам. Тогда он громко спросил у пассажиров, выходит ли кто-то до моста, и лихо крутанул руль вправо. Маршрутка зарычала, выбралась на тротуар, обогнала с десятков автомобилей, которые медленно ползли по улице, а затем, вместо того чтобы двигаться к реке, свернула на какую-то узкую, вымощенную булыжником дорожку, извилисто убегавшую вверх по холму между старыми деревьями и густыми кустами.

Пассажиры притихли и удивленно поглядывали в окна. Я бросил взгляд на незнакомку – не волнуется ли она? Но женщина стояла спокойно, одной рукой держалась за поручень сиденья, а второй прижимала к себе сумочку, больше похожую на театральную, а не на те сумки, что нередко носят другие особы и о которых говорят, что там черт ногу сломит. Кстати, я ни разу не видел в ее руках пакетов, напичканных провизией, которые обычно хозяйки тянут домой.

Я снова посмотрел на незнакомку. Она, словно почувствовав взгляд, медленно повернула голову и неожиданно улыбнулась мне. Собственно, не то чтобы улыбнулась, но в ее глазах и уголках губ мелькнуло что-то такое, из-за чего мне захотелось поднять шляпу, если бы, конечно, она у меня была. Но ее загадочный взгляд снова будто растворился, а перед моими глазами предстала ее опрятная прическа.

Между тем бусик пробирался по дорожке вверх, ловко вписываясь в каждый поворот. Но вдруг двигатель зарычал, потом будто закашлялся и затих. Машина остановилась, а водитель сердито хлопнул обеими руками по рулю. Он открыл дверцу и вышел на улицу осмотреть машину. Пассажиры заволновались. Через лобовое стекло было видно дорожку, которая извилисто шла в гору, а к боковым окнам жались ветви с небольшими, еще молодыми весенними листьями. Через открытые двери в салон вошел давно забытый аромат цветущей черемухи. Смеркалось. И в этот момент, вдохнув негородских ароматов, я подумал, что и сам, как эта маршрутка, уже много лет колешу по замкнутому кругу, и ничего в этой жизни не меняется. Да я и не хотел этих перемен...

Прошло несколько минут, но водитель не возвращался. Пассажиры уже начали возмущаться, мол, лучше бы мы ползли по набережной, чем поломаться где-то в лесу... Несколько мужчин тоже вышли из маршрутки покурить и, к большому удивлению, обнаружили, что водителя нигде нет. Поднялся шум и гам, одни пассажиры пытались выйти из машины, другие начали куда-то звонить по мобильным, все были озадачены и возмущены, ведь их планы на этот пятничный вечер были разрушены... Наконец почти все пассажиры вышли, кто-то звал водителя, кто-то советовался, что делать. Между тем сумерки сгустились, а запах черемухи усиливался.

– Ой, ничего себе! – не сдержала удивления Амалия.

– Да, интересный поворот событий, – заинтересовался Виктор, сплел на столе пальцы рук и подался корпусом вперед к Юрию, проявляя нетерпение.

– Это еще не «поворот», знаете ли! – сказал тот, залпом выпил остатки уже чуть теплого кофе и проглотил кусочек сырного пирожного, будто собираясь с силами.

Читатели терпеливо молчали, ожидая продолжения. Но Амалия не выдержала первой.

– И что же было дальше? – заглянула она в глаза человеку, который вдруг снова сник и будто не решался продолжать.

– Дальше? – он вытер губы салфеткой и направил взгляд на полку со старинными кофемолками. – *Дальше я почувствовал, как кто-то взял меня за руку и повел за собой. Она вела меня подальше от раздраженных пассажиров, куда-то вверх, лавируя между кустами и деревьями с легкостью, которой я от нее не ожидал.*

– Ничего себе! – не сдержался Виктор.

– *Вдруг я поскользнулся на прошлогодних сырых листьях, но она не выпустила моей руки, а, наоборот, удержала. Я снова почему-то сказал: «Пардон». И в ответ неожиданно услышал: «Ne vous excusez-pas! C'est pas grave!»¹⁰*

Я впервые услышал ее голос и не был разочарован – он был именно таким, каким и должен быть голос этой удивительной женщины, столь непохожей на всех женщин вокруг. И я заговорил с ней. Извинился, что я такой неуклюжий, сделал ей комплимент, наконец, сказал, какая она замечательная и удивительная...

Она помогла мне подняться по склону к поваленному дереву и жестом предложила присесть. Мы долго разговаривали в полумраке, сидя рядом на той колоде и вдыхая аромат черемухи, липких тополиных почек, взорванных молодой листвой, и прошлогодних листьев, лежавших влажным ковром под ногами.

Незнакомка рассказала, что зовут ее Полиной, она работает гувернанткой в богатой семье одного банкира, занимается с его детьми, водит их на прогулки, читает книги, а еще по собственной инициативе учит старшую девочку игре на фортепиано, что жена банкира редко бывает дома – она то в салонах красоты, то ходит с приятельницами на шопинг или «на кофе»... Рассказала, что вообще работой и отношением к ней она довольна, хотя, конечно, мечтала не об этом, особенно когда закончила консерваторию, но «смутные времена, нестабильная эпоха перемен...»

Юрий вздохнул, снова прислушался к космическим звукам музыки из скрытых колонок и продолжил, не отрывая взгляда от блестящих медных кофейников:

– *Я тоже ей что-то рассказывал – и о моей жизни, и о прежних планах написать докторскую по прикладной математике и занять заметное место в науке, о планах, которым не суждено было реализоваться. Незнакомка кивала сочувственно и с пониманием, иногда всплескивала руками, и я уже не удивлялся, увидев на ее руках кружевные перчатки, а также белые, кружевные манжеты платья старинного кроя, черную шаль на ее плечах и узкие черные туфли со шнуровкой. Я держал в руках шляпу и говорил, говорил... И знаете... я... я говорил с ней... по-французски! – выпалил он.*

– Господи... – всплеснула руками Амалия, а Юрий продолжил:

– *Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как мы уселись на том дереве и завели разговор. Но вдруг я вспомнил, что ехали-то мы домой, что, как ни жаль, а надо бы уже как-то и выбираться отсюда, подумал позвонить знакомому, у которого была машина...*

Но в карманах моего сюртука не оказалось мобильного, а часы на длинной цепочке щелкнули, отбросив серебряную крышку, и показали довольно поздний час. Я перевел взгляд на незнакомку, но она улыбнулась, снова взяла меня за руку и повела за собой вверх.

Метров через десять дама указала взглядом на вход в пещеру.

¹⁰ Не извиняйтесь! Ничего страшного! (фр.)

«Ça, c'est le passage de la rive droite vers la rive gauche, n'ayez pas peur, suivez-moi!»¹¹ – пригласила она меня следовать с нею по тоннелю, который, по ее словам, вел на левый берег. Я растерялся и пытался объяснить, что это может быть опасно, что она рискует своей жизнью. О моей я уж промолчал... Ответ был странным.

«Pas du tout. Je connais bien ce tunnel, nous l'avons longé même avec les enfants»¹², – ответила незнакомка, и я устыдился моих опасений, но был удивлен, как такая хрупкая женщина могла бродить таким заброшенным тоннелем, а тем более вместе с доверенными ей детьми банкира?

Я сделал несколько шагов вперед и заметил в глубине прохода свет. Закрепленные метрах в двадцати друг от друга, на стенах горели факелы, пахло уже не прелой листвой, а теплом огня, стены были земляные, глинистые, но довольно высокие и сухие. Полина двигалась вперед в свете факелов и казалась похожей на мираж. Мне захотелось коснуться ее, чтобы убедиться, что она реальна. Но вместо этого я больно ущипнул себя за руку – ничего не изменилось. Через мгновение меня накрыло волной непреодолимого желания, словно кровь закипела во мне и застучала в ушах. Я догнал ее, обхватил руками за талию, повернул к себе и... поцеловал ее в губы. Я сделал бы это, даже если бы это стоило мне жизни. Это было сильнее меня.

– И?... – не удержался Виктор, а Амалия промолчала, только смотрела на рассказчика широко открытыми глазами.

– Она не дала мне пощечину, не вырывалась и ничего не сказала. Она ответила на поцелуй... Шляпа слетела с моей головы, а ее прическа растрепалась, но нам это вовсе не мешало...

Юрий закрыл глаза, будто снова погрузившись в воспоминание об этом невероятном приключении. Теперь не выдержала Амалия:

– Боюсь даже спрашивать, что было дальше.

Мужчина молчал, все так же сидя с закрытыми глазами. И Читательнице даже на миг показалось, что таким образом он запечатал предательские слезы, чтобы случайно не просочились перед чужими людьми. Затем он вздохнул и продолжил:

– Какая-то чужая рука грубо тряхнула меня за плечо, и незнакомый голос спросил, не собираюсь ли я ездить по кругу, ведь уже конечная...

– Так это вам приснилось?! – с облегчением вырвалось у Виктора.

Юрий помолчал, потом нерешительно проговорил:

– Не думаю.

– Но как же? Разве это возможно? – удивилась Амалия и немного насторожилась: нет ли, случайно, у этого господина проблем с головой?

– А вы ненароком в ту пятницу ничего не праздновали на работе? – сдержал улыбку реалиста Виктор.

– Во-первых, я не пью, – даже обиделся такому предположению Юрий, – а во-вторых... я должен рассказать вам продолжение. Хотя вы, конечно, можете держать меня за сумасшедшего. Но если бы это случилось в каком-то другом городе... Однако мистика Киева замечена не мною первым. Да вы и сами, наверное, в курсе, откуда родом булгаковская Маргарита, точнее, ее задумка...

– Неужели вы хотите сказать, что история имела продолжение? – не унимался Виктор.

– Да.

– О! – удивилась Амалия, сложила руки на столе, как прилежная ученица, и приготовилась слушать.

¹¹ Это переход с правого берега на левый, не бойтесь, следуйте за мной! (фр.)

¹² Отнюдь. Я знаю этот тоннель, мы по нему ходили даже с детьми (фр.).

– Я пришел тогда домой сам не свой. Ведь слишком все было явным, чтобы оказаться просто сном! На следующий день была суббота, я планировал провести ее дома, почитать, посмотреть телевизор, никуда не ехать. Но... дома мне не сиделось, я торопливо съел бутерброд с колбасой, запил чаем и даже не почувствовал вкуса. Меня тянуло из дому, и я снова оказался на конечной.

Проезжая мимо Днепровских круч, я внимательно присматривался к кустам и деревьям, покрывавшим их, и к ярким, дрожащим под ветром молодым листьям. События вчерашнего вечера снова прокрутились перед моими глазами, как в кино... И сердце защемило, словно от потери того, чего я не имел. Вскоре я снова оказался на Подоле и пошел гулять по нему неспешно, не так, как обычно шагаю в рабочие дни. Не имея четкого плана прогулки, я свернул в музей одной улицы, мимо которого как раз проходил. Вы не были там? Рекомендую! О, как он интересен! В нем собрано много старинных вещей, предметов быта, документов... Я уже там бывал раньше и зашел не ради информации, а что-то меня завело туда в поисках... эмоциональных впечатлений, скажем так. И хотелось быть подальше от туристов и экскурсоводов, побыть наедине... Я направился в один пустой зал и застыл в дверях...

В дальнем углу я увидел за фортепиано до боли знакомый силуэт... Темное платье с кружевной накидкой, аккуратно собранные на затылке волосы, белые кружевные манжеты, тонкие пальцы на клавишах инструмента...

Сердце заколотилось у меня в груди, пот выступил на лбу – я не знал, что делать. Броситься ли к ней, рассказать, что только и думаю теперь день и ночь о своей Полине, или не двигаться, чтобы это видение не исчезло, как вчера?

– Иии? – впилась в него глазами Амалия.

– Дородная дама-экскурсовод коснулась сзади моего плеча и попросила пропустить в дверь группу школьников. Что я и сделал. Она выстроила детей слева, а я перестал дышать, ожидая, что Полина сейчас как-то отреагирует на приход гостей, но она не двинулась. Дама рассказывала о богатых горожанах старинного Киева, показывала предметы их быта за стеклами витрин, а у меня мелькнула мысль, что, возможно, моя прелестная незнакомка здесь работает! И именно поэтому по понедельникам не ездит маршруткой – выходной. И рабочий день у нее начинается позже, чем мой... А о банкире с детьми она просто пошутила... Ее образ был настолько органичен стенам этого заведения, казалось, она и сама была из другого века. И вдруг до моего сознания долетели слова экскурсовода: «Вот манекен, изображающий женщину в одежде того времени. Это, дети, не богатая женщина, скорее всего, гувернантка, но имеет образование, умеет играть на фортепиано, наверное, знает французский. А может, и вообще француженка... Вы же знаете, что раньше богатые люди выписывали из-за границы воспитателей своим детям, чтобы те, общаясь, изучали языки...»

Я похолодел и воскликнул: «Как манекен?!» Я бросился от дверей вперед, дети засмеялись, но мне было все равно. Однако я не смог приблизиться к ней и мешком осел на стул неподалеку. Экскурсовод даже заволновалась, не плохо ли мне, а затем повела группу школьников дальше.

Я сидел и смотрел на мою Полину сзади. Боялся подойти и заглянуть в лицо. Сердце уgomонилось и стучало так редко и тихо, будто его и не было вовсе. Из соседнего зала доносились детские голоса, а я рассматривал даму за фортепиано с головы до ног, словно касался ее руками. Вдруг...

– Что еще? – заволновался Виктор.

– Вдруг я увидел, что одна нога пианистки стоит, вытянутая вперед, на педали под инструментом, а вторая немного выглядывает из-под круглого стула и длинной юбки. Вы не поверите, но... На тонкой подошве черных туфель со шнуровкой и на каблучке четко

была видна полоска засохшей рыжей глины... Точно такую же я отчистил в то утро со своих ботинок...

Расплачиваясь за столиком с Аней, Виктор попросил вызвать для него такси до Крещатика на четырнадцать тридцать – у него еще были какие-то дела.

Затем, уже возле бара, в его руках снова откуда-то возникла небольшая металлическая трубка, мгновенно превратилась в длинную палочку, кончиком которой он коснулся края первой ступени. Амалия, стоявшая рядом, не решилась поддержать его на лестнице, а только робко оглянулась на девушек за барной стойкой. Те синхронно улыбнулись, а Вера уверенно махнула рукой вслед Виктору, и этот жест, видимо, должен был означать, что этот мужчина и сам неплохо справляется.

Амалия пожала плечами и пошла вслед за слепым, осознавая нелогичность ситуации, особенно когда Виктор спустился по ступенькам ко входной двери, открыл ее и отступил в сторону, пропуская даму.

Машины еще не было, они стояли в тени у кафе и не спешили прощаться. Вокруг шевелился напоенный солнцем город, в пыли ссорились за кусочек веревки воробьи, бомжеватого вида лохматый и пыльный старик тяжело хромал от рынка, словно «сам в себе», равнодушный к другим проявлениям жизни вокруг. Амалия задержала взгляд на нем, вздохнула и сказала:

– Чудной этот Юрий... Так разволновался, рассказывая, удивил меня не на шутку, а когда позвонили с работы, его будто подменили – мгновенно замкнулся, словно застегнулся на все пуговицы, извинился и исчез.

– Да. Не без того... Может, еще и пожалеет о своей откровенности, – не очень весело улыбнулся Виктор, механически постукивая палочкой по краю тротуара.

– Почему же?... А что вы думаете о его рассказе? И о нем самом? Он действительно пережил эти мистические события, эти волнения, или придумал все?

– Ради кофе с запеканкой? – хмыкнул Виктор, будто угадав мысли Амалии.

– С чизкейком, пардон! – улыбнулась она.

– Да один черт – сырник, запеканка, ленивый вареник! Сладкое и из творога! Писательница должна была бы догадаться, что одинокого мужчину манит далеко не название, когда речь идет о еде! Ведь дома ж никто этим не накормит! Вот бы такую акцию начал ресторан украинской кухни, здесь неподалеку, я бы и сам ходил туда рассказывать басни за обед!

Амалия даже растерялась от такого заявления и о ее «статусе», и о сущности одинокого мужчины... Она не поняла, была ли это шутка или действительно вырвалось что-то неожиданное для нее из глубины мужской непонятной души. Воспользовавшись тем, что Виктор ее не видит, а как бы смотрит вдаль мимо (таким был поворот его головы), прошла взглядом по нему с головы до ног и обратно с мыслью, как этот немолодой, но стройный и опрятный человек существует сам-один в непростом даже для зрячих мире. А что у него нет жены, Амалии было понятно и без слов – у женщин обычно срабатывает интуиция, особенно у тех, кто находится в поиске пары. Хотя сейчас она никого и ничего не искала.

Разговор на этом споткнулся, и оба почувствовали некую неловкость. Но вдруг прямо возле пары, стоявшей на краю тротуара, притормозило такси. Виктор развернулся лицом четко к Амалии и протянул ей на прощание руку. Она осторожно пожала ее, снова пытаясь просочиться взглядом через темные стекла его очков, чтобы увидеть глаза, потому что его улыбка показалась ей исключительно «для приличия».

9

Этот день для Женьки был не таким, как другие. Последний день из трех ее выходных ознаменовался переездом в новое жилище. Конечно, «жилище» – это несколько громко сказано, когда речь идет о переселении в арендованную комнату в двухкомнатном «хруще» к старушке хозяйке, но смысл все-таки был в смене места жительства. То есть места, где она будет ночевать, вскакивать утром и откуда убегать на работу, а возвращаться поздно вечером. На выходных она иногда будет валяться там в постели хоть до обеда, и чтобы никто при этом не вмешивался в ее жизнь. За это стоило заплатить тысячу гривен в месяц и пережить тот еще скандал дома.

Конечно, ей было жаль маму, которая теперь оставалась одна с ее вторым, не слишком предсказуемым, мужем, но... Но мама нашла его сама, когда Женьке едва исполнилось четырнадцать, и это после двух лет «кастинга» и через три года после развода с отцом. Папаша «растворился» в своей жизни и не навязывался ни с воспитанием, ни с алиментами. Мать год ходила, как зомби, а потом неожиданно расцвела.

Так бывает, когда вдруг кто-то странный влюбляется в тебя против всякой логики и, ослепленный этим чувством, какое-то время видит в тебе богиню. Сначала «богине» это кажется невероятным, странным и даже смешным, а затем... Затем спина ее выпрямляется, голова гордо поднимается, взгляд обретает уверенность и сексуальность, меняется даже походка и... И теперь на зажженный одним огонь начинают слетаться другие – погреться. Те, которые обходили «богиню» десятой дорогой, когда она, депрессивная, зализывала раны после развода, страдала, изверившись во всем на свете, ничего не излучала, а наоборот, неосознанно засасывала чужую энергию, компенсируя изрядную потерю собственной. А кому ты, действительно, была нужна такая?

Поэтому после первого чудака, влюбленного в совсем еще не старую маму, появились и другие «волонтеры». Она сначала растерялась, а потом, видимо, в отместку отцу, начала «кастинг». Первый – романтически настроенный сосед Василий Прокофьевич, научный сотрудник музея – на это обиделся и бороться за даму сердца не стал. А после недолгого отбора кандидатов на место возле «богини» в их квартире бросил якорь таксист Жора, который букетов не дарил, стихов не читал, не вздыхал и не просил руки, а был конкретным и практичным бывшим советским прапорщиком. Руки у него были золотые, характер хозяйственный, но неуравновешенный, настроение его прыгало от куража до гнева со всеми последствиями. Очень скоро он уже чувствовал себя в их квартирке из полутора комнат как дома, то есть – мужиком ответственным, кормильцем, посему – с правом голоса. Причем это право принадлежало только ему. Кроме склонности к дедовщине в быту, Жора был еще и ревнив, потому что имел предысторию с первой женой. Поэтому мама была предупреждена, а музейный сосед получил разок по ребрам – для профилактики, «чтобы не вздумали держать за дурака».

Такая расстановка фигур держалась почти шесть лет. Мама уже выглядела не «богиней», а давно замужней женщиной с кучей хлопот, но все же с крепким плечом в хозяйстве и мужней зарплатой в бюджете. Правда, Жора, хотя и таксовал, но со временем начал выпивать, характер его портился, а чем старше становилась Женька, тем чаще она ловила на себе его неоднозначные взгляды за спиной матери и слышала скользкие шутки-намеки, после которых, чтоб не врезать ему чем придется, девушка исчезала из дому до поздней ночи.

Мать нервничала из-за ее дворовых компаний, и не зря, потому что только чудо удержало дочку от скользкой дорожки, на которую стали иные соседские дети, топтавшиеся теплыми вечерами во дворах-подворотнях, а зимой по подъездам их спального района. Жора

тоже ругался, предрекал падчерице тюрьму-колонию-наркодиспансер, а еще иногда в недобрых шутках вспоминал Окружную дорогу, где «и деньги платят, и паспорт не спрашивают».

От этих слов у Женьки будто шерсть становилась дыбом, и она снова пыталась пореже пересекаться в общем пространстве с отчимом, которого мама побаивалась и возражать ему не смела.

Последние годы Женькина жизнь шла словно в трех параллельных коридорах – домашнем, рабочем и дворовом. Счастье еще, что работа нашлась неплохая. Закончив после обычной школы школу парикмахеров, а заодно и курс маникюра, Женька приглядывала и подыскивала себе место, как вдруг ей предложили должность администратора в небольшом салоне на три кресла и с уголком для маникюра-педикюра. Сначала речь шла о временной работе вместо женщины, сломавшей ногу, а затем девушка прижилась там и понравилась хозяйке заведения своей опрятностью, ответственностью, сообразительностью и умением налаживать контакт с клиентами и с персоналом.

Женька работала в парикмахерской в режиме «3 на 3» – то есть три дня были загружены работой с восьми утра до восьми вечера, а потом ее сменяла напарница, и девушка получала передышку в три дня, которые заполняла по своему усмотрению. Иногда ее приглашали домой подстричь кого-то из знакомых и сделать укладку, возможно, покрасить... Бывало, вооружалась специальным чемоданчиком с инструментами и отправлялась делать кому-то маникюр на дому, но больше всего любила редкие приглашения на раннее утро – делать прическу взволнованной невесте. Эта работа приносила и деньги, и расширение девичьего кругозора. Ой, чего, было, не наслушаешься от невесты и ее подружек в последние часы перед тем, как придут жених с друзьями предлагать за нее «выкуп» и вскоре занесет она свою ножку над рушником!

Довольные клиентки передавали Женькин телефон друг другу, и девушка всегда имела свой небольшой приработок. Правда, в парикмахерской у нее не со всеми сложились идеальные отношения, но она и не надеялась, что такое вообще бывает – за ее недолгий век идеального вокруг было мало.

Женька нашла через газету объявлений эту комнату, сходила на просмотр, договорилась с хозяйкой и решила съехать из дому, когда никого не будет. Вещи она упаковала заранее, а накануне пережила разборки с матерью. Поэтому, когда сегодня выставила к порогу две большие клетчатые сумки и оглянулась на отгороженный для нее еще отцом угол квадратной прихожей, осознала, что он опустел. Этот домик ее детства, похожий на маленькое купе без окна, словно упрекал своей пустотой. Разве что настенная полка с книгами и несколько рядов маленьких сувениров вдоль них остались на виду. Подаренные когда-то мягкие игрушки еще вчера пошли одна за другой в картонную коробку под кроватью, тоже молча упрекая и напоминая каждая свою историю. Только рыжий плюшевый мишка, неожиданный подарок от мамы на восемнадцатилетие, отправлялся с нею в новую взрослую жизнь, упакованный вместе с одеждой и косметикой.

Женька вздохнула, стиснула зубы, сдержала предательские слезы прощания с детством, каким бы оно ни было, взволнованная от неуверенности в будущем, от тревоги перед последствиями перемен, которые сама себе устроила, но жить, как раньше, уже нельзя было. А кроме того, у нее задерживались месячные и были причины нервничать еще и из-за этого.

На лестнице за дверью ждал Илья, который давно уж поглядывал на нее неравнодушным глазом, а после той вечерней грозы с поцелуями, видимо, решил, что из этого что-то получится. Женька же все еще не определилась, потому что парень этот был не совсем таким, как другие «на районе», хотя и росли все вместе. Пожалуй, только он один из всех был ребенком из приличной семьи, где родители не разводились, не «сидели», не пили, не дрались, его не обижали, а наоборот – относились по-человечески, платили за обучение и всячески

поддерживали. Почти идеальная картинка! И почему такому парню не хватало именно ее, Женьки?!

Но вчерашнее предложение помочь с переездом было принято, Илья подхватил обе сумки, Женька повесила еще одну через плечо, заперла дверь, и они вошли в лифт.

– Не передумала? – спросил ее Илья.

– Нет.

– Не будешь жалеть?

– Жизнь покажет. Но все равно вряд ли вернусь. По крайней мере, жить. Буду ходить к маме. На блины, – улыбнулась она и тряхнула волосами.

Илья наклонился, уперся лбом в ее макушку и замер. Мог бы – обнял ее, маленькую... Так захотелось вдруг защитить ее от всяких невзгод... Но руки его были заняты сумками, и он сделал, что сделал, прошептав при этом:

– Не переживай. Все разрулится. Я что-нибудь придумаю.

– Ой! – сердито тряхнула головой Женька. – Еще ты мне начни! Придумает он! Не трогай меня сегодня! И без тебя...

– Не трогаю, – вздохнул Илья.

У подъезда стояло такси. Парень двинулся к нему.

– Ты бы еще контейнер заказал! – прошипела от неожиданности Женька, но не стала ругать его на глазах у любопытных бабушек и молодых мамаш с детьми, которые топтались неподалеку, а уверенным шагом направилась к машине.

– Садись, не бурчи уж, не на скутере же тебя перевозить? – Илья забросил сумки в багажник и открыл перед девушкой дверь.

Скутер с недавних пор у него действительно был, правда, не очень годился для грузовых перевозок.

Первое, что сказала хозяйка, пожилая и одинокая Ольга Яковлевна, прозвучало так:

– Только никаких парней! – Она загородила собою проход, увидев за спиной квартирантки высокого юношу с двумя сумками в руках. – Мы же договаривались?! Никаких парней! Сын позволил мне сдавать комнату, но никакого борделя здесь не допустит, хоть и живет отдельно.

– Да-да, Ольга Яковлевна! Это Илья, мой двоюродный брат, он просто помог мне перевезти вещи, не переживайте. Мы поставим в комнату и пойдем.

– Поставь в коридоре, мы сами разберемся! – сказала хозяйка Илье, указывая худой рукой на пол у стены.

Илья переступил порог, поставил сумки и сделал шаг назад.

– Жень, я подожду на улице!

– Ага, я скоро, – махнула ему Женька и потащила одну сумку в конец коридора, в комнату, где собиралась начинать самостоятельную жизнь.

– Не обижайся, – примирительно сказала хозяйка, – но у меня был прецедент, едва избавилась от того борделя. Такие здесь кавалеры ходили, что я боялась из своей комнаты нос высунуть! Вызывала сына, чтобы разобрался с ними...

– Понимаю, – сказала Женька, толкая дверь.

– Вот ключ. Твоя территория закрывается. Чтобы не думала, что я буду шарить в твоих вещах или просто совать свой нос. – Она протянула на исчерченной линиями жизни старческой ладони небольшой желтенький ключик.

– Было бы в чем тут шарить! – хмыкнула Женька, но оценила подход хозяйки к вопросу приватности.

– Ну, обживайся. С питанием решай сама, я почти не готовлю, старая уже, есть не хочется, перебиваюсь тем-сем. Ты молодая, тебе силы нужны. Но я тебе сдала комнату – и на этом мои услуги заканчиваются. Поняла?

– Конечно! Я и не собиралась у вас столоваться, не волнуйтесь!

– Ну и хорошо, – вздохнула старушка и побрела в свою комнату.

– Ольга Яковлевна! А ключи от входной двери? – вскрикнула ей вслед Женька.

– И чего так кричать? Я не глухая! – оглянулась она. – Вон, в дверях торчат, вынь, и будут твои.

– У меня есть идея! – улыбнулся Женьке Илья, когда та вышла из подъезда.

– Ну? – не слишком весело отреагировала девушка.

– Поехали кататься на кораблике? Посмотри, какая погода! Типа, откроем сезон. Отпразднуем начало твоей самостоятельной жизни, – заглянул он в глаза Женьке.

– На кораблике? – на мгновение заколебалась она и посмотрела в небо, а затем в ту сторону, где за старыми домами, за промзоной и за домами новыми был Днепр, она это и знала, и чувствовала утром.

– Угу. Дождя сегодня не будет. А если и будет – то тоже ничего, – двусмысленно улыбнулся Илья.

– Нет. Не поеду! – твердо сказала Женька, и даже сама удивилась, почему отказалась, ведь прогулка по Днепру была бы настоящим праздником. Но Илья... Не хотела она привязываться к этому парню общими воспоминаниями об удовольствии «на двоих», не была еще уверена в себе, боялась, что чем больше воспоминаний о совместном хорошем, тем труднее будет «рубить канаты».

– Почему? – удивился парень.

– Без «почему». Просто так. Не могу. Не хочу. Тебя не касается!

– Ну, пойдем где-то пива выпьем? Или кофе? Угощаю пирожными! – улыбнулся Илья.

– Кофе? С пирожными? – на мгновение задумалась Женька, и что-то неуловимое мелькнуло в ее глазах. – Да! Кофе! Но без тебя. Извини, я совсем забыла, мне надо крутонутися в одно место. По делу. Извини. Спасибо, что помог!

Женька поднялась на цыпочки и чмокнула Илью в щеку – как делали на прощание все в той дворовой компании, которая была для них общей.

Илья вздохнул и развел руками.

– Пообещай, что в другой раз...

– Ага! И кораблик, и кофе, и пирожные, да-да, и все капризы! – уже удаляясь от него упругой походкой, кивала и махала рукой девушка.

10

Со вчерашнего дня Женька ждала звонка из кафе, надеясь, что появится в их «каталоге» подходящая Книга, ведь она, как смогла, объяснила книжнице Ане свой интерес. Но никто не звонил. Конечно, не каждый день записываются новые участники акции, и не каждый был бы ей интересен. А может, девушки просто закрутились и забыли о ней? Вот Женька и решила, раз уж есть у нее сегодня свободное время, зайти к ним, просмотреть картотеку и еще раз напомнить о себе.

На душе у нее было беспокойно, не каждый день принимаются и реализуются важные жизненные решения, но не хватало еще демонстрировать свое волнение и неуверенность в собственном будущем перед Ильей! Может, ее надежды получить таким образом ответы на насущные вопросы от чужих людей и выглядели странными, не исключено, что лучше было бы посоветоваться с кем-то из знакомых или читать настоящие книги... Но в кругу ее общения не было людей, в которых она видела бы пример успешного выхода из жизненного «крутого пике», а прочитанные ею книги представляли собой вариации сказки о Золушке, непременно радовали хеппи-эндом, но не очень-то в них верилось, да и конкретных советов по выживанию они не давали.

Девушке хотелось бы поговорить с кем-то из успешных людей, которых она нередко видит со своего места администратора на плазменном экране, развлекающем посетительниц в ожидании очереди. Желательно – с женщиной. Которая «смогла». Которая падала и поднималась, приложила усилия и наконец вырвалась на другую орбиту своего существования. Ее интересовали именно такие женщины, а не те, которые просто удачно вышли замуж. Хотя это тоже своего рода «ход конем». Но себя на их теплом месте Женька не слишком представляла по многим причинам. А еще – не представляла, по какой причине те самые, успешные, которые «смогли», стали бы вести душевные беседы с такой обычной девушкой, как она, хотя дурой она себя и не считала, но все же... Поэтому акция в кафе пробудила в ней надежду, что не Книга, а именно Читатель выбирает себе пару для разговора, и это было неким козырем, шансом, возможностью. И вовсе не важно, что придется оплатить десерт рассказчику и потратиться на кофе для себя. Собственно, это вообще не было проблемой – она уже давно сама решала, на что тратить заработанные деньги, и нередко делала это бес толково, но с превеликим удовольствием.

Книжница Аня положила счет на стол и забрала пустую чашку из-под кофе глясе и тарелку со сладкими крошками.

– Да, вижу, нет мне пока интересной Книги, но вообще акция-то как-то движется? Что-то происходит? – заглянула ей в глаза Женька.

– О, да! Вчера был конфуз – Книга не пришла, а женщина, которая ее заказала, сидела и скучала. Такая интересная, я не рассказывала? Она писательница и выискивает здесь новые сюжеты.

– Ух ты! Писательница?! Так, может, мне с ней?

– Да я тоже было подумала, но... вряд ли, – неуверенно ответила Аня. – Во-первых, она тоже Читатель, а не Книга, а во-вторых...

– Что? – с нетерпением подвинулась к официантке Женька.

– Она... Ну, не выглядит очень успешной и довольной жизнью, уж извини.

– Как это? Писательница – и не успешная?! Вот бы ее увидеть!

– Да всякое бывает, может, творческий кризис у нее, но я думаю, что там что-то личное. Мы здесь много чего видим, начинаешь в людях разбираться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.